

КЕЙТ МОРТОН

ДОМ У ОЗЕРА

РОМАН

The Big Book

Кейт Мортон

Дом у озера

«Азбука-Аттикус»

2015

УДК 821.111-31(94)

ББК 84(8Авс)-44

Мортон К.

Дом у озера / К. Мортон — «Азбука-Аттикус», 2015 — (The Big Book)

ISBN 978-5-389-20238-2

Июнь 1933 года. Родовое имение семьи Эдевейн в Корнуолле сверкает, готовое к долгожданной вечеринке в канун Дня святого Иоанна. Элис Эдевейн, шестнадцатилетняя начинающая писательница, особенно взволнована. Она не только придумала идеальный поворот сюжета своего романа, но и по уши влюбилась. Однако, когда часы бьют полночь и фейерверк озаряет ночное небо, бесследно исчезает ее младший брат, а вскоре полиция находит мертвым близкого друга их семьи. Не выдержав столь сокрушительного удара, Эдевейны навсегда покидают родной дом. 2003 год. Детектив Сэди Спэрроу после вынужденного ухода из полиции Лондона приезжает в коттедж своего деда в Корнуолле. Случайно обнаружив заброшенный дом, окруженный густым лесом и заросшим садом, она решает узнать историю этого дома, и ей рассказывают о пропавшем мальчике. А тем временем Элис Эдевейн, теперь уже автор популярных детективных романов, ведет в своем викторианском доме в Хэмпстеде замкнутую жизнь, столь же тщательно продуманную, как и ее детективы. Но все это лишь до тех пор, пока Сэди не начнет задавать вопросы о прошлом семейства Эдевейн, пытаясь распутать сложный клубок секретов...

УДК 821.111-31(94)

ББК 84(8Авс)-44

ISBN 978-5-389-20238-2

© Мортон К., 2015
© Азбука-Аттикус, 2015

Содержание

Глава 1	7
Глава 2	8
Глава 3	17
Глава 4	26
Глава 5	29
Глава 6	38
Глава 7	48
Глава 8	56
Глава 9	66
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Кейт Мортон

Дом у озера

Kate Morton

THE LAKE HOUSE

Copyright © Kate Morton, 2015

All rights reserved

© И. А. Метлицкая, перевод, 2016

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2021

Издательство АЗБУКА®

* * *

Кейт Мортон – австралийская писательница, произведения которой опубликованы в 42 странах и переведены более чем на 30 языков. Известность автору принес ее дебютный роман «Когда рассеется туман», который в 2007 году, по версии «Sunday Times», стал бестселлером № 1 в Великобритании, а в 2008 году занял верхнюю строчку в книжном рейтинге «New York Times». Другие произведения Кейт Мортон, в том числе «Дом у озера», так же стали мировыми бестселлерами.

* * *

Ошеломляющая, хорошо сплетенная тайна будет держать вас в напряжении до последней страницы. В этом романе есть секреты внутри секретов, и каждый раз, когда вы думаете, что уже все поняли, вам открывается что-то новое.

San Diego Book Review

Очень интересно... Сюжет книги Мортон безупречен, а ее прекрасно выписанные персонажи... удивлены не менее читателей неожиданной развязкой.

Publisher's Weekly

* * *

Посвящается Генри, моей маленькой жемчужине

Глава 1

Корнуолл, август 1933 г.

Дождь усилился, и грязь заляпала подол платья. Потом его надо будет спрятать, и никто не узнает, что она выходила из дому.

Луну затащили тучи – повезло, хотя и незаслуженно! Яму она выкопала заранее, но только сейчас, под покровом тьмы, можно было закончить начатое дело. Дождь рябил поверхность воды, неутомимо барабанил по земле. Неподалеку кто-то с шумом пронесся по зарослям папоротника, но она не остановилась, даже не вздрогнула. Всю свою жизнь она бродила по этому лесу и знала его наизусть.

Едва это случилось, она хотела признаться; наверное, и следовало бы, однако шанс упущен, сейчас уже поздно. Слишком много всего произошло: поисковые партии, полиция, статьи в газетах с просьбой сообщить любые сведения... Теперь никому не скажешь, ничего не исправишь, и прощения ждать не стоит. Можно только избавиться от улики.

Вот она и добралась до места. Сумка с коробкой оказалась неожиданно тяжелой, и она с облегчением поставила ее на землю. Присев на корточки, отодвинула маскирующие яму побеги папоротника. В нос ударил резкий запах размокшей почвы, лесных мышей, грибов и гнили. Однажды отец сказал ей, что немало поколений ходили по этому лесу и теперь покоятся глубоко под толщей земли. Ему нравилось так думать. Отца радовала преемственность в природе, и он искренне верил, что неизменность прошлого способна заглушить горечь невзгод в настоящем. Что ж, отчасти, может, и правда, только не в этот раз. И не этой беды.

Она опустила сумку в яму и забросала землей, еле сдерживаясь, чтобы не расплакаться. Слезы – непозволительная слабость, тем более здесь и сейчас. Она разровняла землю ладонями, утрамбовала, а потом утаптывала ботинками, пока не запыхалась.

Все. Дело сделано.

Внезапно мелькнула мысль, что надо бы сказать пару слов перед тем, как покинуть это уединенное место. Что-нибудь о смерти невинных, о чувстве вины, которое остается навсегда... Но она промолчала, устыдившись своего порыва.

Она торопливо вернулась назад через лес, стараясь не приближаться к лодочному сараю со всеми его воспоминаниями. Уже рассветало, когда она добралась до дома, дождь почти утих. У берегов озера плескалась вода; последний соловей выводил прощальную трель. Просыпались камышники и славки, вдали раздавалось лошадиное ржание. Тогда она еще не знала, что никогда не избавится от этих звуков, они будут повсюду ее преследовать, вторгаться в сны и кошмары, напоминая о содеянном.

Глава 2

Корнуолл, 23 июня 1933 г.

Лучший вид на озеро открывался из Пурпурной комнаты, но Элис решила, что сойдет и окно ванной. Хотя мистер Ллевелин все еще сидел у ручья за мольбертом, обычно он заканчивал рано и шел отдыхать, а ей вовсе не хотелось с ним столкнуться. Старик, конечно, безобидный, но все же чудаковатый и прилипчивый, особенно в последнее время. Вдруг, обнаружив ее в своей комнате, он все неправильно поймет? Элис поморщилась. В детстве она его обожала, и он ее тоже. Сейчас, когда ей уже шестнадцать, странно вспоминать его истории, восхитительные рисунки, которые Элис бережно хранила, и ощущение чуда, которое, как песня, сопровождало мистера Ллевелина. Впрочем, до ванной ближе, чем до Пурпурной комнаты, и некогда бегать туда-сюда по ступенькам: мама вот-вот поймет, что в комнатах первого этажа нет цветов. Пока стайка служанок, размахивая полировочными тряпками, усердно наводила порядок в зале, Элис проскользнула в дверь и поспешила к окну.

Где же он? Желудок болезненно сжался, азарт вмиг сменился отчаянием. Стекло нагрелось под ладонями, пока Элис обводила взглядом картину внизу: алые и кремовые розы, лепестки блестят, как начищенные; бесценные персики льнут к стене крытого сада; длинное серебристое озеро сверкает под утренним солнцем. Поместье убрали, украсили и довели почти до невыносимого совершенства, тем не менее повсюду царила суета.

Нанятые музыканты расставляли позолоченные стулья на временной эстраде, фургоны поставщиков по очереди вздымали пыль на подъездной аллее, теплый летний ветерок раздувал полотнище наполовину установленного шатра. Единственным островком спокойствия среди всеобщей суматохи была бабуля Дешиль, маленькая и сгорбленная. Погрузившись в туман воспоминаний, она сидела на чугунной садовой скамейке у библиотеки и не обращала ни малейшего внимания на то, как вокруг нее развешивают на деревьях круглые стеклянные фонари.

Вдруг у Элис перехватило дыхание.

Вон же он!

Невольная улыбка расплылась по ее лицу. Какой восторг, какая искрящаяся радость разглядеть на островке посреди озера его с огромным бревном на плече! Повинуясь порыву, Элис помахала рукой. Глупо, конечно, он даже не смотрел в сторону дома. А если бы и смотрел, то не помахал бы в ответ. Они оба понимали, что надо проявлять осторожность.

Элис рассеянно затеребила прядь волос, вечно выбивающуюся над ухом. Ей нравилось вот так, тайком, наблюдать за молодым человеком. В эти минуты Элис ощущала свою силу, не то что с ним рядом, когда она приносила ему в сад лимонад, или когда ухитрялась улизнуть из дому, чтобы неожиданно навеститься в отдаленные уголки поместья, где он работал, или когда он расспрашивал о книге, семье и делах, а она рассказывала ему истории, смешила и старалась не утонуть в глубине зеленых с золотистыми крапинками глаз.

Под ее взглядом он наклонился, замер, удерживая на плече тяжелое бревно, потом осторожно положил его поверх остальных. Хорошо, что он сильный!.. В глубине души Элис чувствовала, как это важно, хотя и не знала почему. Щеки у нее горели, она покраснелась.

Элис Эдевейн доводилось общаться с молодыми людьми. Правда, не часто – ее родители вели довольно замкнутый образ жизни, предпочитая общество друг друга, и только раз в году, в канун Дня святого Иоанна, традиционно устраивали грандиозный праздник. Тем не менее порой Элис украдкой обменивалась парой слов с деревенскими парнями или с сыновьями арендаторов, когда те, сняв шапки и опустив глаза, ходили за своими отцами по поместью. Однако сейчас... сейчас было совершенно *по-другому*, и каким бы ошеломительным или ужасно похожим на сантименты старшей сестры Деборы ни казалось это чувство, оно существовало, и все тут.

Его звали Бенджамин Мунро. Элис беззвучно произнесла имя по слогам. Бенджамин Джеймс Мунро, двадцати шести лет, до недавнего времени жил в Лондоне. Родственников не осталось, трудяга, не склонен к пустой болтовне. Родился в Суссексе в семье археологов, вырос в Юго-Восточной Азии. Любит зеленый чай, запах жасмина и знойные дни, которые заканчиваются грозой.

Ничего этого он ей не рассказывал. Он не из тех, кто любит разглагольствовать о себе и своих достижениях, как будто девушка всего лишь хорошенькое личико и пара жадно внимающих ушей. Нет, Элис вслушивалась, наблюдала и по крупицам собирала информацию, а как только представилась возможность, пробралась в кладовую, чтобы взглянуть на расчетную книжку главного садовника. Элис всегда считала себя неплохой сыщицей и, конечно же, обнаружила за аккуратными записями мистера Харриса о посадках подколотое письмо от Бенджамина Мунро с просьбой принять его на работу. Коротенькое послание, написанное почерком, который вряд ли понравился бы маме, но Элис прочитала письмо целиком, запоминая особо важные куски и восхищаясь тем, как слова придают глубину и цвет придуманному ею образу, что хранился в тайне ото всех, словно засушенный между страницами цветов. Вроде того, что Бенджамин подарил ей в прошлом месяце. «Смотри, Элис, первая гардения в этом году». Хрупкий стебель зеленел на широкой сильной ладони.

Элис улыбнулась воспоминанию и сунула руку в карман, чтобы погладить гладкую обложку записной книжки в кожаном переплете. Привычка с детства, которая выводила из себя маму с тех пор, как на восьмой день рождения Элис получила первую записную книжку. Как же она любила ту светло-коричневую книжицу! Здорово, что папа выбрал такой подарок. По словам отца, он тоже вел дневник, и Элис оценила серьезность, с которой он ей об этом сказал. Под присмотром мамы она медленно вывела свое полное имя – Элис Сесилия Эдевейн – по тонкой бледно-коричневой линии на фронтисписе и сразу же почувствовала себя более реальным человеком, чем раньше.

Маме не нравилась ее привычка то и дело трогать спрятанную в кармане книжку, потому что это выглядело так, словно Элис вертится, замышляя какую-то шалость. Впрочем, сама Элис была ничуть не против подобной характеристики. Мамино недовольство послужило приятным бонусом. Элис продолжала бы касаться своей записной книжки, даже если бы это действие не вызывало легкую тень на прекрасном лице Элеонор Эдевейн. Записная книжка стала для Элис пробным камнем, постоянным напоминанием, кто она есть на самом деле. А еще близким другом, хранилищем секретов и, соответственно, досье на Бена Мунро.

Прошло около года с того дня, как Элис впервые его увидела. Он появился в Лоэннете поздним летом 1932-го, в тот жаркий и сухой промежуток времени, когда праздничное волнение Дня святого Иоанна прошло и оставалось только покориться одурманивающему зною. На поместье снизошла благодать ленивого умиротворения, и даже порозовевшая от жары мама, которая была на восьмом месяце беременности, сняла жемчужные браслеты и закатала по локоть шелковые рукава.

В тот день Элис сидела на качелях под ивой, лениво раскачивалась и обдумывала Очень Важную Проблему. Отовсюду, если вслушаться, доносились звуки семейной жизни: мама и мистер Ллевелин смеялись вдалеке под ленивый плеск лодочных весел, Клемми что-то бормотала себе под нос, раскинув крыльями руки и бегая кругами по лужайке, Дебора пересказывала няне Роуз все скандалы последнего лондонского сезона, – а Элис погрузилась в собственные мысли и не слышала ничего, кроме приглушенного жужжания насекомых.

Она почти целый час сидела на одном месте, не замечая, что новенькая ручка протекла и по белому хлопчатобумажному платью расплывается чернильное пятно, когда из сумрака рощи материализовался молодой человек и вышел на залитую солнцем дорогу. С холщовым мешком через плечо и пиджаком в руках, он шел твердым, упругим шагом, и Элис перестала

раскачивать качели. Она следила за ним, старалась разглядеть получше из-за плакучих ветвей ивы и не замечала, что щеку трет жесткая веревка.

Благодаря причуде географии в Лоэннет нельзя попасть случайно. Поместье располагалось в лощине, окруженной густым лесом, совсем как дома в сказках. И в кошмарах тоже, только тогда Элис об этом не думала. Лоэннет – их собственный счастливый уголок, дом нескольких поколений семьи Дешиль, родовое гнездо матери Элис. И все же вот он, чужак, прямо посреди имения, и послеобеденные чары сразу разрушились.

Элис обладала природным любопытством – о чем ей часто говорили окружающие, и она воспринимала их слова как комплимент, – но собиралась использовать эту свою черту с пользой. Впрочем, в тот день ее интерес подогревало не любопытство, а досада и желание отвлечься. Все лето Элис лихорадочно трудилась над остросюжетным любовным романом, однако три дня назад дело застопорилось. И все по вине главной героини Лауры, которая после нескольких глав, призванных показать ее богатый внутренний мир, отказалась сотрудничать. Когда милую девушку познакомили с высоким темноволосым красавцем со звучным именем лорд Холлингтон, она неожиданно растеряла весь свой ум и обаяние и стала до ужаса скучной. Ладно, решила Элис, глядя, как молодой человек идет по подъездной дорожке, Лаура обождет. Подвернулось кое-что другое.

Через поместье бежал болтливый ручей, радуясь короткой передышке под жарким солнцем, прежде чем снова нырнуть в сумрак леса. Его берега соединял оставшийся от двоюродного прадеда каменный мост, через который лежала дорога в Лоэннет. Дойдя до моста, незнакомец остановился. Медленно повернулся в ту сторону, откуда пришел, и взглянул на что-то в своей ладони. Клочок бумаги? Или это игра света? Наклон головы, долгий взгляд на лесную чащу свидетельствовали о сомнениях, и Элис прищурилась. В конце концов, она писательница и понимает людей, уязвимость сразу бросается ей в глаза. Почему незнакомец так не уверен, в чем причина? Он вновь повернулся вокруг себя, приложил руку ко лбу и уставился на дорогу с чертополохом по обочинам, которая вела к дому, спрятавшемуся за тисовыми деревьями. Молодой человек не двигался и, похоже, затаил дыхание; затем под взглядом Элис положил вещевой мешок и пиджак на землю, поправил на плечах подтяжки и тяжело вздохнул.

И тогда Элис осенило. Она сама не понимала, откуда берутся внезапные озарения, открывающие доступ к мыслям других людей. Элис просто знала о чем-то, и все. Вот как сейчас: незнакомцу явно не доводилось бывать в подобном месте. Тем не менее этого человека ждала встреча с судьбой, и хотя ему явно хотелось развернуться и уйти, даже толком не ознакомившись с поместьем, от судьбы просто так не сбежишь. Весьма захватывающее предположение, и Элис еще крепче ухватилась за веревку качелей, наблюдая за молодым человеком; в ее голове роились мысли.

Конечно же, он поднял пиджак, закинул на плечо вещевой мешок и зашагал по дорожке к скрытому за деревьями дому. В поведении незнакомца появилась вновь обретенная решимость, и те, кто плохо разбирается в людях, наверняка подумали бы, что он легко справится со своей задачей. Элис довольно улыбнулась, и тут ей пришла в голову мысль, от которой она чуть не свалилась с качелей. Элис заметила чернильное пятно на своей юбке и нашла решение Важной Проблемы одновременно. Это же ясно как божий день! Лаура, которая встретила таинственного незнакомца, тоже гораздо проницательнее большинства людей и наверняка заглянет под его маску, узнает об ужасной тайне и темном прошлом, а потом, когда останется с ним наедине, прошепчет...

– Элис!

Оказавшись в ванной комнате своего дома, Элис подпрыгнула от неожиданности и больно ударилась щекой о деревянную оконную раму.

– Элис Эдевейн, где ты?

Она бросила взгляд на закрытую дверь. Вокруг таяли приятные воспоминания о прошлом лете, остром чувстве влюбленности, первых днях романа с Беном и пьянящей связи между их отношениями и ее творчеством. Бронзовая дверная ручка слегка задрожала от торопливых шагов на лестничной площадке, и Элис затаила дыхание.

Всю неделю мама была на грани нервного срыва. Обычное дело. Она не любила гостей, но праздничный прием в ночь накануне Дня святого Иоанна давно стал семейной традицией рода Дешиль. Мама боготворила своего отца, а потому каждое лето и устраивала праздник в его честь. И всякий раз ужасно нервничала – такой вот она уродилась! – однако в этом году превзошла саму себя.

– Я знаю, что ты здесь, Элис! Дебора видела тебя пару минут назад.

Дебора – старшая сестра, основной пример для подражания, главное зло. Элис стиснула зубы. Мало того что ее мать – прославленная Элеонор Эдевейн, так еще и повезло родиться за сестрой, которая почти такое же совершенство! Красавица, умница, обручена с самым завидным женихом прошедшего сезона... Слава богу, еще есть Клементина, младшенькая, такая странная, что даже она, Элис, по сравнению с ней кажется почти нормальной.

Пока мама в сопровождении Эдвины стремительно шагала по коридору, Элис с треском приоткрыла окно и подставила лицо теплему ветерку, наполненному соленым запахом моря и ароматом свежескошенной травы. Эдвина – вот единственная живая душа, которая терпит маму в ее нынешнем состоянии! Впрочем, Эдвина – золотистый ретривер, и вряд ли ее можно назвать душой в полном смысле этого слова. Даже папа несколько часов назад сбежал на чердак и теперь наверняка отлично проводит время над своим грандиозным трудом по естественной истории. Проблема в том, что Элеонор Эдевейн всегда стремилась к совершенству и любая мелочь праздника должна была отвечать ее высоким стандартам. Элис довольно долго переживала из-за того, что не оправдывает мамины ожидания, хотя тщательно скрывала это под маской напускного безразличия. Ее огорчало и отражение в зеркале – слишком высокий рост, непослушные рыжевато-каштановые волосы, – и то, что она предпочитала компанию вымышленных персонажей людям из плоти и крови.

Но теперь все изменилось. Элис с улыбкой смотрела, как Бен добавил еще одно бревно к быстро растущему сооружению, будущему костру. Может, она и не так очаровательна, как Дебора, и уж точно ее имя не обессмертят в популярной детской книге, как мамино, не важно. Она совершенно другая. «Ты прирожденный рассказчик, Элис Эдевейн, – заметил как-то раз вечером Бен, когда голуби летели домой на ночлег. – Я еще никогда не встречал человека с таким богатым воображением, такими интересными мыслями». Он говорил тихо и не сводил взгляда с Элис. Тогда Элис посмотрела на себя его глазами, и ей понравилось то, что она увидела.

Мама еще не свернула за угол, а до двери ванной уже донесся ее голос: она говорила что-то о цветах.

– Конечно, мамочка! – восхитительно высокомерным тоном пробормотала Элис. – Только не выпрыгивай из трусов!

В упоминании нижнего белья Элеонор Эдевейн было некое великолепное кощунство, и Элис сжала губы, чтобы не рассмеяться.

Бросив из окна прощальный взгляд на озеро, Элис вышла из ванной, на цыпочках прокралась к своей комнате и вытащила из-под матраса заветную папку. Перепрыгивая через две ступеньки и лишь чудом не споткнувшись о потрепанный край красного белуджистанского ковра, который прадедушка Хорас привез из путешествий по Ближнему Востоку, Элис спустилась вниз, схватила со стола в зале корзинку и выбежала из дому навстречу новому дню.

Надо сказать, погода стояла прекрасная. Элис невольно начала мурлыкать под нос, пока спешила по вымощенной камнем дорожке. Корзинка почти наполовину наполнилась, а ведь

Элис еще даже не дошла до лужайки с полевыми цветами. Самые красивые цветы росли именно там, оригинальные и необычные, в отличие от садовых – ярких, но заурядных. Элис тянула время. Все утро она пряталась от матери, а теперь ждала, когда мистер Харрис пойдет обедать: хотела застать Бена одного.

В последнюю встречу он сказал, что у него для нее кое-что есть, и Элис рассмеялась. Тогда он спросил со своей легкой полуулыбкой: «Что смешного?» Элис выпрямилась во весь рост и ответила, что у нее, так уж вышло, тоже есть для него подарок.

Элис остановилась у самого большого тиса в конце дорожки. Перед праздником его аккуратно подстригли, сквозь плотную обрезанную крону ничего не было видно, и Элис выглянула из-за дерева. Бен все еще на острове, а мистер Харрис на дальнем берегу озера, помогает своему сыну Адаму грузить в лодку бревна, чтобы перевезти на остров. Бедняга Адам! Элис смотрела, как он чешет за ухом. По словам миссис Стивенсон, когда-то Адам был гордостью семьи, рослым, сильным и смышленным, пока под Пашендалем¹ осколок шрапнели не угодил ему в голову, лишив памяти. «Ужасная штука – война! – любила рассуждать кухарка, яростно раскатывая скалкой ни в чем не повинное тесто. – Забирает полного надежд мальчика, пережевывает и выплевывает жалкое исковерканное подобие того, что было!»

«Хорошо еще, что сам Адам, похоже, не осознает перемены и даже почти счастлив, – говорила миссис Стивенсон. – Конечно, это редкость, – всегда добавляла она, дабы не изменять присущему ей шотландскому пессимизму. – Многие вернулись, разучившись смеяться».

Именно папа настоял на том, чтобы Адаму дали работу в поместье. Элис подслушала его разговор с мистером Харрисом. «Он будет работать до конца жизни, – произнес отец дрожащим от эмоций голосом. – Я вам уже это говорил. Юному Адаму всегда найдется здесь место».

Внезапно Элис услышала приглушенный шелест у левого уха, щеки коснулся легкий ветерок. Боковым зрением она заметила зависшую в воздухе стрекозу. Довольно редкую – желтокрылую стрекозу-метальщицу. Элис охватило знакомое радостное возбуждение. Она представила отца, который прячется у себя в кабинете от маминой предпраздничной лихорадки. Если изловчиться, то можно поймать стрекозу и отнести наверх, в отцовскую коллекцию, посмотреть, как он радуется подарку, и почувствовать, что выросла в его глазах. Как в детстве, когда Элис ощущала себя избранной, и одного разрешения заходить в пыльную комнату с научными книгами, белыми перчатками и стеклянными витринами было достаточно, чтобы преодолеть страх перед блестящими серебристыми булавками.

Впрочем, сейчас нет времени. Вообще-то, даже мысль об этом отвлекает от цели. Элис нахмурилась. Время странным образом теряло границы, когда она о чем-то задумывалась. Еще двадцать минут – и главный садовник, как обычно, пойдет в свой сарай, чтобы съесть сэндвич с пикулями и сыром, а потом углубиться в изучение газетных страниц с результатами скачек. Он всегда следовал привычкам, и Элис это уважала.

Забыв о стрекозе, она торопливо пересекла дорожку и продолжила путь вокруг озера, держась подальше от лужайки и группки рабочих, подметавших у затейливой конструкции с фейерверками. Элис старалась не выходить из тени, пока не добралась до потайного сада. Там она села на нагретые солнцем ступени старого фонтана, поставила рядом корзинку с цветами. Отличный наблюдательный пункт. Живая изгородь из боярышника служила надежным укрытием, а сквозь просветы между ветвями было отлично видно новые мостки.

Ожидая, пока Бен останется один, Элис любовалась грачами, кувыркавшимися в лазурном небе. Ее взгляд упал на дом; взобравшись на лестницы, слуги украшали огромными венками из зелени кирпичный фасад, в то время как две служанки развешивали под карнизом изящные бумажные фонарики. Солнце освещало верхний ряд витражных окон, и начищенный

---

¹ *Битва при Пашендале* – одно из крупнейших сражений Первой мировой войны между союзными и германскими войсками. – *Здесь и далее примеч. перев.*

до блеска родовой дом сиял, как увешанная драгоценностями пожилая дама, разодетая для ежегодного выезда в оперу.

Внезапно Элис захлестнула волна нежности. Сколько Элис себя помнила, поместье Лоэннет значило для нее гораздо больше, чем для сестер. Дебору манил Лондон, а Элис нигде так не радовалась и не была сама собой, как здесь, когда сидела на речном берегу, болтая ногами в неторопливой воде, или лежала в постели перед рассветом, прислушиваясь к хлопотливой суеде стрижей, которые свили гнездо над окном ее комнаты, или бродила вокруг озера, зажав под мышкой неизменную записную книжку.

В семь лет Элис вдруг осознала, что когда-нибудь повзрослеет, а взрослые, как правило, покидают родительский дом. С той минуты в душе Элис воцарился экзистенциальный страх, и она стала везде, где только можно, царапать свое имя: на дубовых оконных рамах в маленькой столовой, примыкающей к кухне, на тоненькой полоске застывшего раствора между кафельными плитками в оружейной комнате, на узорчатых обоях с дроздами в передней. Элис словно навсегда привязывала себя к Лоэннету крепкими узами. Мать обнаружила это необычное проявление любви, и Элис на все лето оставили без сладкого; впрочем, она бы особо не горевала, если бы ее не называли отпетой хулиганкой. «От кого от кого, а от тебя не ожидала такого неуважения к дому! – сердито шипела мать. – Подумать только, моя дочь – и такой варварский поступок!» Эти слова, которые свели страстную жажду обладания к обычной шалости, причинили Элис глубокую боль и сильно обидели.

Ладно, сейчас это уже не важно. Элис выпрямила ноги, вытянула вперед носочки и довольно вздохнула. Обычная детская навязчивая идея, с тех пор много воды утекло. Солнечный свет заливал все вокруг, золотил ярко-зеленую листву сада. Укрывшись среди ивовых ветвей, сладко щебетала славка-черноголовка, пара диких уток дралась из-за особенно сочной улитки. Оркестр репетировал танцевальную мелодию, и над гладью озера плыла музыка. Да, с погодой сегодня повезло. Несколько томительных недель все волновались, пристально наблюдали за рассветами, расспрашивали знатоков примет и наконец дождались: солнце высоко в небе и сжигает случайные облака, как и положено в канун Дня святого Иоанна. Вечер будет теплым, ветерок – легким, а праздничный прием, как всегда, волшебным.

Элис узнала о чарах ночи накануне Дня святого Иоанна задолго до того, как ей разрешили праздновать вместе со взрослыми, еще когда няня Бруен, одев ее и сестер в самые нарядные платья, отводила всех троих вниз и выстраивала в ряд, чтобы они поздоровались с гостями. Тогда, в самом начале вечеринки, разодетые взрослые ждали темноты и вели себя с чопорной благопристойностью, но позже, когда дети давно должны были спать, Элис, услышав, что дыхание няни стало глубоким и ровным, забиралась коленями на стул у окна детской и смотрела на фонарики, похожие на поспевшие в ночи фрукты, на пылающий костер, который, казалось, плыл по серебристой от лунного света воде, на этот заколдованный мир, где люди и места выглядели почти такими, как она помнила, но все же другими.

А сегодня, подумала Элис, она будет среди них, ее ждет необыкновенная ночь. Элис улыбнулась, слегка вздрогнув от предвкушения. Посмотрела на часы, а затем достала из корзинки папку с бесценным содержимым и открыла. Внутри лежала одна из двух машинописных копий, тщательно отпечатанных на портативном «Ремингтоне», – результат годовой работы Элис. В заглавии она сделала опечатку, случайно нажав букву «а» вместо «о», но в остальном все было идеально. Вряд ли Бен обидится, он сам бы сказал, что важнее отослать безупречный экземпляр в издательство Виктора Голланца². Когда книга выйдет, у Бена будет собственное первое издание, Элис даже его подпишет, как раз под посвящением.

---

² Виктор Голланц (1893–1967) – британский общественный деятель, книгоиздатель, публицист-социалист и правозащитник.

«Спи, моя лапочка». Элис шепотом прочитала название, чувствуя, как по спине побежали приятные мурашки. Она гордилась книгой, лучшей из всех своих работ на сегодняшний день, и надеялась, что ее опубликуют. Настоящий детектив, с убийством. Изучив предисловие к «Лучшим детективными историям», Элис взяла блокнот и составила список правил, с точки зрения мистера Рональда Нокса³. Она поняла, что ошибалась, пытаясь объединить два несовместимых жанра, избавилась от Лауры и начала с самого начала, придумав загородный дом, сыщика и целую компанию достойных подозреваемых. С детективной составляющей пришлось повозиться, нельзя было, чтобы читатели раньше времени догадались, кто убийца. Тогда-то Элис и решила, что ей нужен тестовый читатель, так сказать, Ватсон для ее Холмса. К счастью, таковой нашелся, а с ним кое-что еще.

Посвящается Б. М., партнеру по преступлениям и сообщнику во всем остальном.

Элис провела пальцем по посвящению. Как только роман выйдет из печати, о них с Беном узнают, ну и что с того? В глубине души Элис мечтала, чтобы это произошло. Несколько раз она едва не проговорила Деборе и даже Клемми, так ей хотелось произнести эти слова вслух. Еще она всячески избегала встреч с мамой, которая явно что-то подозревала. Наверное, будет правильно, думала Элис, если об их отношениях с Беном узнают, прочитав ее первую опубликованную книгу.

«Спи, моя лапочка» появилась на свет из разговоров с Беном, без него у Элис ничего не вышло бы. Запечатлев их совместные мысли на бумаге, она словно ухватила некую призрачную возможность и вдохнула в нее жизнь. Подарив экземпляр книги Бену, она сделает более реальным невысказанное обещание, которое их связывало. А к обещаниям в семье Эдевейн относились серьезно. Так наставляла мама, и, едва научившись говорить, они уже знали: никогда не обещай того, что не сделаешь.

За кустами боярышника раздались голоса, и Элис инстинктивно прижала рукопись к груди. Настороженно прислушалась, затем торопливо подошла к живой изгороди и заглянула в просвет между листьями. На острове Бена уже нет, лодка стоит у мостков. Тут Элис увидела всех троих работников у оставшейся груды бревен. Бен пил из жестяной фляги, его кадык двигался с каждым глотком, на подбородке темнела щетина, завитки черных волос касались воротника. Рубашка Бена промокла от пота, и у Элис перехватило дыхание: она обожала его запах, такой земной и естественный.

Мистер Харрис поднял сумку с инструментами и дал последние указания, на что Бен кивнул и слегка улыбнулся. Элис тоже не сдержала улыбки, вглядываясь в ямочку на его левой щеке, сильные плечи, обнаженное предплечье, которое блестело под жарким солнцем. Вдруг он выпрямился; похоже, его внимание привлек какой-то шум. Молодой человек перевел взгляд с мистера Харриса на что-то в глубине одичалого сада.

Элис разглядела среди зарослей эремуруса и вербены крошечную фигурку, которая, покачиваясь, храбро шагала к дому. Тео. При виде младшего брата Элис улыбнулась еще шире, но, когда заметила, что за братом маячит большая темная тень, ее улыбка померкла. Теперь понятно, почему Бен нахмурился. Элис тоже недолюбливала няню Бруен, причем сколько себя помнила. Хотя вряд ли можно питать теплые чувства к людям с деспотическими наклонностями. Никто так и не понял, почему уволили милую и красивую няню Розу. Она хорошо относилась к Тео, вернее, обожала его, и ее все любили. Даже папа был замечен за беседой с няней Розой в саду, пока Тео ковылял за утками, а уж папа разбирается в людях.

Зато маме словно шлея под хвост попала. Пару недель назад Элис видела, как она ругает няню Розу, вернее, они обе обменивались яростным шепотом у дверей детской. Спор, похоже, шел из-за Тео, но, к сожалению, Элис стояла слишком далеко. На следующий же день няня Роза исчезла, а вместо нее вытащили из нафталина няню Бруен. Вообще-то, Элис считала,

³ Рональд Нокс (1888–1957) – английский религиозный деятель, писатель, автор детективов.

что они навсегда распрощались со старой перечницей вместе с ее волосами на подбородке и бутылкой касторового масла. Более того, Элис даже слегка загордилась, подслушав бабулю Дешиль, которая утверждала, что именно она, Элис, довела старую няню своими выходками. Но теперь старуха вернулась и, похоже, стала намного противнее.

Элис все еще горевала из-за ухода няни Розы, когда поняла, что больше не одна за изгородью: сзади хрустнула веточка. Элис резко повернулась.

– Мистер Ллевелин! – воскликнула она при виде сгорбленной фигуры с мольбертом под мышкой и большим этюдником, неловко прижатым к другому боку. – Вы меня напугали!

– Прости, детка. Наверное, я недооценил собственную незаметность. Мне бы хотелось с тобой поговорить.

– Прямо сейчас?

Элис любила старика, однако едва сдержала досаду. Он явно не понимает, что прошли те дни, когда Элис сидела рядом и смотрела, как он рисует, или каталась с ним на лодке, или рассказывала ему свои детские секреты, пока они вместе охотились на фей. Конечно, в свое время мистер Ллевелин занимал важное место в ее жизни, бесценный друг, пока Элис была маленькой, и наставник, когда она начала свои литературные опыты. Много раз Элис подбегала к нему, чтобы вручить ребяческие рассказы, нацарапанные в пылу вдохновения, и он изо всех сил старался дать им объективную оценку. Но сейчас, когда ей уже шестнадцать, у нее совсем другие интересы, и она не намерена ими делиться.

– Видите ли, я занята.

Мистер Ллевелин бросил взгляд на дырку в изгороди, и щеки Элис зарделись горячим румянцем.

– Я смотрю на приготовления к празднику, – торопливо пояснила девушка, а когда мистер Ллевелин улыбнулся, давая понять, что прекрасно знает, за кем она наблюдает и почему, добавила: – Мама попросила нарвать цветов.

Он взглянул на небрежно брошенную корзинку с поникшими от полуденного зноя цветами.

– Я должна выполнить ее просьбу.

– Конечно. При обычных обстоятельствах мне бы и в голову не пришло тебе мешать. Но у меня очень важный разговор.

– Боюсь, сейчас мне некогда.

Мистер Ллевелин выглядел крайне разочарованным, и Элис вдруг подумала, что он хандрит уже довольно давно. Вернее, не то чтобы хандрит, просто все время какой-то печальный и рассеянный. Вот и пуговицы на атласном жилете застегнуты неправильно, и шарф на шее потрепанный... Ее захлестнула волна сочувствия к старику.

– Хорошо у вас получилось, – примирительно сказала Элис, кивнув на этюдник.

Действительно, рисунок удался. Раньше мистер Ллевелин не изображал Тео, но сходство было потрясающим: еще младенчески округлые щеки, пухлые губы, большие доверчивые глаза. Добрая душа, мистер Ллевелин, всегда видит в людях только хорошее.

– Может, поговорим после чая? – предложила Элис и ободряюще улыбнулась. – Перед вечеринкой?

Мистер Ллевелин крепче прижал к себе этюдник и, поразмыслив над предложением Элис, нахмурился:

– Как насчет того, чтобы встретиться у костра?

– Так вы тоже там будете?

Странно. Мистера Ллевелина нельзя было назвать светским львом, и обычно он всячески избегал больших компаний людей, включая и те, что собирались, чтобы встретиться с ним лично. Хотя он обожал мать Элис, даже ей не удавалось заманить его на вечеринку накануне Дня святого Иоанна. Элис подумала, что мама опять выставит напоказ первое издание «Вол-

шебной двери Элеонор», и гости будут наперебой искать знакомства с автором книги. Им никогда не надоедало ползать на коленках вдоль живой изгороди и искать каменный столб, зарытый по самую верхушку в землю. «Смотри, Симеон, вот оно, то самое медное кольцо, что было на карте! Совсем как в книге!» Они и не знали, что много лет назад хозяева, опасаясь любопытства таких вот настырных посетителей, наглухо закрыли туннель.

При других обстоятельствах Элис, наверное, попыталась бы расспросить мистера Ллевелина, но за изгородью послышался смех, потом дружеский возглас: «Да ладно тебе, Адам, иди с отцом и поешь, бревна никуда не денутся». Элис сразу же вспомнила, зачем она здесь.

– Ну хорошо, сегодня вечером, – сказала она. – На празднике.

– Скажем, в половине двенадцатого, в беседке?

– Да-да.

– Это очень важно, Элис.

– В половине двенадцатого, – нетерпеливо повторила она. – Я обязательно приду.

Старик все не уходил, стоял с серьезным и грустным видом как приклеенный и пристально смотрел на Элис, словно пытался запомнить.

– Мистер Ллевелин?

– Помнишь, как мы катались на лодке в день рождения Клемми?

– Да, – кивнула она. – Чудесный был день. На редкость приятный.

Девушка демонстративно потянулась за корзинкой, и мистер Ллевелин, должно быть, понял намек: когда Элис выпрямилась, он уже ушел.

Ощувив укол смутной жалости, Элис глубоко вздохнула. Наверное, это потому, что она влюблена, вот и жалеет всех остальных. Бедный, старый мистер Ллевелин. Когда-то она считала его волшебником, а теперь видит сторбленного, грустного человечка, постаревшего раньше времени, стесненного викторианской одеждой и предрассудками, с которыми не желает расстаться. В юности у него случился нервный срыв (предполагалось, что это секрет, но Элис знала много такого, чего ей знать не следовало). Все произошло, когда мама Элис была совсем ребенком, а мистер Ллевелин – близким другом Генри Дешиля. Мистер Ллевелин оставил карьеру в Лондоне и тогда же написал «Волшебную дверь Элеонор».

Элис не знала, что именно вызвало срыв. У нее мелькнула неясная мысль, что хорошо бы узнать. Только не сегодня, подумала она, как-нибудь в другой раз. Сейчас просто нет времени на прошлое, когда будущее рядом, ждет за изгородью. Взглянув еще раз сквозь дыру в изгороди, Элис убедилась, что Бен остался один и вот-вот тоже уйдет на обед. Она тотчас забыла про мистера Ллевелина и подставила лицо солнцу, наслаждаясь ласковыми лучами. Неужели на свете есть кто-то более довольный жизнью, чем она? С машинописной копией своей книги в руках Элис зашагала к мосткам – красивая девушка на пороге блестящего будущего.

Глава 3

Корнуолл, 2003 г.

Солнце пробивалось сквозь листву, и Сэди бежала так, что ее легкие запросили пощады. Но она не остановилась, наоборот, побежала быстрее, наслаждаясь ритмичным глухим топотом, который слабым эхом отзывался от сырой мшистой почвы и густого подлеска.

Собаки давно сбежали с узкой тропинки и теперь, опустив носы к земле, скользили, как ручейки патоки, среди поблескивающих зарослей ежевики по обочинам. Похоже, псы радуются больше ее самой, что дождь закончился и они наконец-то свободны. Как ни удивительно, Сэди нравилось, когда эти двое рядом. Сперва она не хотела брать их с собой, но Берти, ее дед, и так встревоженный ее неожиданным появлением – «С каких это пор ты едешь в отпуск?» – привычно заупрямился. «Этот лес местами очень густой, и ты его не знаешь. Заблудишься как нечего делать». Когда дед пообещал уговорить кого-нибудь из местных парней составить ей компанию, сопровождая угрозу взглядом, в котором читалось, что вот-вот начнутся нежелательные расспросы, Сэди поспешно согласилась взять с собой на пробежку собак.

Сэди всегда бегала в одиночку – еще задолго до того, как дело Бейли развалилось и вся ее жизнь в Лондоне пошла прахом. Сэди считала, что лучше бегать одной. Некоторые люди бегают ради физической нагрузки, другие – ради удовольствия; Сэди бегала так, словно спасалась от смерти. Слова ее бывшего. Он произнес их обвиняющим тоном, согнувшись пополам посреди парка Хэмпстед-Хит и хватая ртом воздух. Сэди только пожала плечами, не понимая, почему это плохо, и вдруг почти без сожаления осознала, что у них ничего не выйдет.

Порыв ветра качнул ветви, брызнув последними каплями дождя в лицо. Она тряхнула головой, однако бег не замедлила. По бокам тропы стали появляться побеги шиповника, рабы привычки, которые каждый год прорастают сквозь папоротник и валежник. Хорошо. Подобные мелочи доказывают, что в мире есть место добру и красоте, как утверждает в стихах и банальных сентенциях. Сэди подумала, что с ее работой об этом часто забываешь.

На выходных лондонские газеты все еще писали о деле Бейли. Сэди случайно увидела заметку через плечо одного из посетителей в кафе «Гавань», куда они с Берти зашли позавтракать. Вернее, завтракала Сэди, а Берти пил что-то вроде густого зеленого коктейля, который пах травой. Маленькая заметка, всего одна колонка на пятой полосе, но имя Мэгги Бейли как магнитом привлекло взгляд Сэди, и она, замолчав на полуслове, жадно прочитала статью. Ничего нового, значит ничего не изменилось. А почему, собственно, что-то должно было измениться? Дело закрыто. Дерек Мэйтленд подвел черту. Неудивительно, что он до сих пор держится за эту историю, как собака за кость, вполне в его духе. Может, отчасти поэтому Сэди его и выбрала?

Из-за купы деревьев выскочил Эш, метнулся наперерез Сэди, хлопая ушами и улыбаясь во всю слюнявую пасть. Сэди отпрянула и, стиснув кулаки, побежала дальше. Она не должна читать газеты. Предполагается, что она взяла передышку, будет приходить в себя и ждать, пока в Лондоне все не уляжется. Дональд посоветовал. Он пытался защитить ее, не хотел, чтобы Сэди ткнули носом в ее собственную глупость. Мило, конечно, но, честно говоря, слишком поздно.

Одно время об этом деле писали все газеты и сообщали в новостях по телевизору. Даже спустя несколько недель поток не иссяк, наоборот, увеличился. Некоторые статьи просто цитировали отдельные комментарии Сэди, зато другие радостно сообщали о внутренних разногласиях среди сотрудников лондонской полиции, намекая на сокрытие фактов. Неудивительно, что Эшфорд разозлился. Суперинтендант никогда не упускал случая выразить свои взгляды на лояльность. Подтянув повыше брюки, все в пятнах от еды, он, брызгая слюной, распекал собравшихся полицейских: «Хуже стукачей ничего нет, слышите? Если чем-то недовольны, не

болтайте с посторонними! Больше всего репутации полицейского управления вредят доносики!» Особого упоминания удостоивались самые мерзкие из посторонних – журналисты. Подбородок Эшфорда дрожал от ненависти: «Кровопийцы, вот кто они все!»

Слава богу, он не знал, что в этом конкретном случае стукачом оказалась Сэди. Дональд ее прикрыл, совсем как тогда, когда она начала допускать ошибки. «Партнеры всегда так поступают», – хмуро буркнул он в ответ на ее неловкую благодарность. Потом они не раз подшучивали над теми промахами в обычно безукоризненной работе Сэди, однако последнее нарушение вышло за рамки дозволенного. Будучи старшим следователем по делу, Дональд отвечал за действия своих подчиненных, и если прийти на допрос, не захватив с собой блокнот, означало стать объектом дружеских подначек, то обвинения в том, что полиция напортачила с расследованием, расценивались совсем по-другому.

Дональд с самого начала знал, что утечка информации произошла из-за Сэди. Он пригласил ее в паб «Лиса и гончие», где не терпящим возражения тоном посоветовал на время уехать из Лондона. Велел Сэди взять положенный отпуск и не появляться на работе, пока не решит свои проблемы. «Я не шучу, Спэрроу, – сказал он, вытирая с седых щетинистых усов пивную пену. – Не знаю, что на тебя нашло, но Эшфорд не дурак, сейчас он будет следить за всеми как ястреб. У тебя ведь дед в Корнуолле, так? Ради себя самой – нет, ради нас обоих, – поезжай туда и возвращайся, когда придешь в норму».

Откуда ни возьмись, на тропе возник поваленный ствол дерева, и Сэди перепрыгнула через него, слегка зацепившись кроссовкой. Адреналин бурлил под кожей, словно горячий сироп; пришлось обуздать его, побежав еще быстрее. *Возвращайся, когда придешь в норму.* Легко сказать! Дональд, может, и не знает, в чем причина ее рассеянности и промахов, но сама-то Сэди это прекрасно понимает. Она представила конверт со всем содержимым, засунутый в тумбочку гостевой спальни у Берти в доме. Красивая бумага, изящный почерк и послание, от которого Сэди словно ледяной водой окатило. Все проблемы начались тем вечером, шесть недель назад, когда она наткнулась на это чертово письмо, лежавшее на коврике у двери лондонской квартиры. Сперва ошибки из-за невнимательности, маленькие недочеты, которые легко исправить... а потом возникло дело Бейли, той маленькой покинутой девочки, и шарах! Разразилась буря.

С последним выплеском энергии Сэди заставила себя добежать до почерневшего пня, поворотного пункта сегодняшней пробежки. Не сбавляла темпа, пока не добежала, коснулась рукой мокрой шершавой поверхности и только потом расслабилась и перевела дух, уперев ладони в колени. Диафрагма Сэди поднималась и опускалась, перед глазами мелькали звездочки. Эш крутился рядом, обнюхивая комель замшелого бревна, которое торчало из земли на крутом склоне. Сэди жадно напилась из пластиковой бутылки, выдавила немного воды в открытую пасть пса, погладила блестящую темную шерсть между ушей.

– Ну и где же твой братец? – спросила Сэди у Эша. – Где Рэмзи?

Пес наклонил голову набок и уставился на Сэди умными глазами. Сэди огляделась. Вокруг густо рос папоротник, закрученные побеги тянулись к солнечному свету, разворачиваясь в широкие перистые листья. Сладкий аромат жимолости смешивался с землистым запахом недавнего дождя. Летнего дождя. Сэди всегда нравился этот запах, даже после того, как Берти сказал, что он вызван особыми бактериями. Значит, при соответствующих условиях и из плохого может выйти что-то хорошее. У Сэди были свои причины в это верить.

В поисках Рэмзи Сэди еще раз взглядела в лесную чашу и вдруг поняла, что Берти был прав: здесь немудрено заблудиться. Конечно, она, Сэди, вряд ли потеряется, тем более с собаками, которые чувят дорогу домой, а вот кто-нибудь может и заплутать, например наивная девушка из сказки. Такая девица, полная романтических мечтаний, вполне способна забрести в чашу леса и потеряться.

Сэди почти не знала сказок. Еще один из пробелов в жизненном опыте по сравнению со сверстниками – сказки, экзамены на аттестат о полном общем среднем образовании, родительское тепло. Даже в скудно обставленной комнатухе маленькой Бейли обнаружилась полка с книгами и замусоленный томик сказок братьев Гримм. Но в детстве Сэди не было рассказанных шепотом историй, которые начинаются с «давным-давно...». Ее мать не любила шептаться, отец – тоже, и оба они терпеть не могли все чудесное и сказочное.

Тем не менее Сэди, вполне приспособленная к жизни в обществе, знала, что в сказках люди, бывает, теряются и зачастую это связано именно с дремучим лесом. Люди пропадали и в реальной жизни – это Сэди знала по опыту. Иногда виной всему был несчастный случай, а порой люди исчезали намеренно: те, кто не хотел, чтобы их нашли. Люди вроде Мэгги Бейли.

«Мамаша в бегах, – с ходу определил Дональд в тот день еще до того, как они обнаружили в квартире малютку Кэйтлин; через несколько недель нашлась и записка, подтверждающая его правоту. – Не вынесла ответственности. Дети, попытки свести концы с концами... Жизнь. Если бы мне платили по фунту всякий раз, когда я с этим сталкивался...»

Но Сэди с ним не согласилась. Она гнула свою линию, выдвигала совершенно фантастические версии о преступлениях, которые встречаются только в детективах, настаивала, что мать не способна просто так бросить своего ребенка, и все пересматривала улики, надеясь найти какой-нибудь важный ключ к разгадке тайны.

«Ты пытаешься найти то, чего нет, – сказал ей Дональд. – Иногда, Спэрроу, – не часто, но порой бывает! – в реальной жизни все еще проще, чем кажется».

«Ты имеешь в виду себя?»

Дональд рассмеялся: «Наглая девчонка!» А потом заговорил мягким, почти отеческим тоном, хотя лучше бы он на нее накричал: «Знаешь, с полицейскими такое случается. Работаешь, работаешь над делом, и со временем оно западает тебе в душу. Но это означает только то, что ты человек, а не то, что ты права».

Дыхание Сэди выровнялось, а Рэмзи по-прежнему не было видно. Сэди позвала его, и голос эхом отозвался от темной сырой чащи. «Рэмзи... Рэмзи... Рэмзи!» Последний негромкий возглас затих, однако пес так и не появился. Он держался более настороженно, чем брат, и Сэди завоевывала его доверие куда дольше. Справедливо или нет, именно поэтому Рэмзи стал ее любимчиком. Сэди всегда остерегалась поспешных привязанностей. Похожую черту характера она заметила у Нэнси Бейли, матери Мэгги, и это, как подозревала Сэди, их сблизило. Так называемое *folie à deux*, разделенное безумие, когда двое в остальном вполне разумных людей поддерживают друг друга в одном и том же заблуждении. Теперь Сэди понимала, что они с Нэнси Бейли натворили, вторя своим фантазиям, убеждая себя, что в исчезновении Мэгги есть нечто большее, чем кажется на первый взгляд.

Да, это было настоящим безумием. Десять лет работы в полиции, пять – детективом, и все, чему Сэди научилась, сразу же улетучилось, стоило ей увидеть в запущенной квартире ту маленькую и худенькую девочку с растрепанными светлыми волосами. Огромными настороженными глазами она смотрела на двух незнакомцев, ворвавшихся через переднюю дверь. Сэди подбежала к девочке, протянула руки и воскликнула чужим, непохожим на свой голосом: «Здравствуй, милая! А кто это нарисован у тебя на ночной рубашке?» Беззащитность крохи, ее неуверенность ударили по тому потаенному месту в душе Сэди, которое она тщательно охраняла. Все последующие дни ей казалось, что она чувствует в своих руках детские ладошки, слышит тонкий, жалобный голосок: «Мама? Где моя мама?» Сэди сжигала потребность все исправить, вернуть девочке мать, и Нэнси Бейли оказалась самой подходящей союзницей. Впрочем, Нэнси простительно, что она хватается за соломинку, отчаянно ищет оправдание бессердечному поведению дочери, бросившей ее внучку одну в квартире, пытается смягчить собственную вину (если бы я только не уехала на выходные с подругами, я бы сама ее нашла!), а вот Сэди могла бы и сообразить, что к чему.

– Рэмзи! – позвала она еще раз.

И вновь в ответ тишина, которую нарушал лишь шорох листьев и журчание воды в размытой дождем канаве. Удивительно, как чувство одиночества усиливается от звуков природы! Сэди вытянула руки над головой. Желание позвонить Нэнси тяжелым камнем давило на грудь, сжимало в потных кулаках легкие. Сэди смирилась с собственным унижением, но всякий раз при мысли о Нэнси ей становилось стыдно. По-прежнему хотелось извиниться, объяснить, что произошло ужасное недоразумение, что она вовсе не собиралась внушать пустые надежды. Дональд прекрасно знал Сэди. «И еще, Спэрроу, – сказал он на прощание, перед тем как выпроводить ее в Корнуолл. – Ни в коем случае не общайся с бабушкой девочки, даже думать не смей!»

– Рэмзи! – снова крикнула Сэди, уже громче. – Где ты, мальчик?

Высоко в кронах деревьев захлопала крыльями вспугнутая птица. Сквозь переплетение веток Сэди увидела, как бледно-голубое небо вспарывает крошечный самолетик, оставляя за собой белый след. Самолет направлялся на восток, в сторону Лондона. Странно думать, что где-то там бурлит жизнь, но, увы, без нее, Сэди.

С тех пор как она уехала, Дональд не давал о себе знать. Не то чтобы она особенно ждала, в конце концов, прошла всего лишь неделя, а Дональд велел взять отпуск на целый месяц. «Я же могу вернуться раньше, если захочу?» – спросила она у юноши из управления кадрами. Он смутился, и Сэди поняла, что такой вопрос ему задали впервые. «Только попробуй! – прорычал позже Дональд. – Я не шучу, Спэрроу, если увижу тебя здесь до того, как ты придешь в норму, то сразу же пойду к Эшфорду». Дональд не блефовал. Он собирался на пенсию и не хотел, чтобы его спятившая напарница все испортила. В общем, выбора не оставалось. Сэди собрала сумку и, поджав хвост, уехала в Корнуолл. Она оставила Дональду домашний телефон Берти и предупредила, что мобильная связь в тех краях неважная. Где-то в глубине души у Сэди теплилась надежда, что вскоре ее вызовут в Лондон.

Сбоку донеслось приглушенное рычание, и Сэди посмотрела вниз. Эш замер, как статуя, и стоял, устремив взгляд в лесную чащу. «Что случилось, мальчик? Не любишь, когда люди себя жалеют?» Шерсть на загривке пса поднялась, уши настороженно подрагивали, но сам он не шевелился. И тогда Сэди тоже услышала: вдалеке лаял Рэмзи, не тревожно, а скорее как-то необычно.

С тех пор как собаки взяли ее под свою опеку, Сэди испытывала непривычное и потому слегка пугающее материнское чувство. Когда Эш опять зарычал, она завинтила крышечку на бутылке и скомандовала, похлопав себя по ноге:

– Пошли, найдем твоего братца.

Бабушка и дедушка Сэди не держали собак, когда жили в Лондоне: у Рут была аллергия. А когда бабушка умерла, Берти перебрался в Корнуолл и захандрил. «У меня все хорошо, – сказал он, его голос едва пробивался через шумы на линии. – Мне здесь нравится, днем есть чем заняться. Правда, ночами слишком тихо. Я тут понял, что спорю с телевизором. Хуже того, кажется, он берет верх».

Дед бодрился, но Сэди по голосу поняла, что он тоскует. Бабушка с дедом полюбили друг друга, когда были подростками. Отец Рут поставлял товар в магазин родителей Берти в Хакни. С тех пор Рут и Берти не расставались. Горе деда ощущалось почти физически, и Сэди очень хотела найти правильные слова, чтобы его утешить. Впрочем, она никогда не была сильна в утешениях и потому сказала, что шансов переспорить лабрадора куда больше. Дед рассмеялся, обещал подумать, а назавтра отправился в приют для животных, откуда вернулся, как и следовало ожидать, с двумя собаками и злющим котом в придачу. Насколько Сэди могла судить за неделю пребывания в Корнуолле, все четверо прекрасно уживались, несмотря на то что кот почти не вылезал из-под дивана. Впервые с того дня, как заболела Рут, дед выглядел счастливым. Еще одна причина, по которой Сэди не могла прийти домой без собак.

Эш рванулся вперед, и Сэди тоже пришлось побежать быстрее, чтобы не потерять его из виду. Растительность вокруг постепенно менялась, воздух светлел. Деревья поредели, и кусты ежевики, спеша воспользоваться ярким солнцем, весело разрастались во все стороны. Ветки цеплялись за шорты Сэди, когда она пробегала мимо зарослей. Если бы она была склонна к фантазиям, то представила бы, что ее пытаются остановить.

Огибая торчащие из земли камни, Сэди поднялась на вершину крутого холма и обнаружила, что стоит на краю леса. Она замерла, изучая местность. Так далеко Сэди еще не заходила. Перед ней простиралось поле с высокой травой, а вдали она с трудом разглядела забор и покосившиеся ворота. За забором тоже тянулось поле с разбросанными по нему мощными деревьями с пышной листвой. У Сэди перехватило дыхание. Посреди поля стояла маленькая девочка, совсем одна. Лица не видно, только темный силуэт, освещенный сзади солнцем. Сэди хотела было окликнуть малышку, но моргнула, а когда открыла глаза, девочка исчезла, растворилась в золотисто-белом сиянии.

Сэди потрясла головой. Наверное, мозг устал. И глаза. Надо бы проверить зрение, узнать, отчего перед глазами мелькают мушки.

Эш забежал вперед, оглянулся на Сэди и нетерпеливо залаял, решив, что она движется слишком медленно. Сэди поспешила за ним через поле, отгоняя от себя непрошеную мысль, что поступает неправильно. Незнакомое ощущение. Как правило, Сэди не задумывалась о подобных вещах, но недавние неприятности на работе ее напугали. Она не любила пугаться. По мнению Сэди, страх и беззащитность шли рука об руку, и она давно для себя решила, что лучше идти навстречу неприятностям, чем позволить им себя преследовать.

Подойдя к деревянным воротам, Сэди заметила, что выцветшая, потрескавшаяся створка косо висит на петлях, причем, судя по унылому виду, довольно давно. Раскидистый вьюнок с фиолетовыми, похожими на трубы цветами заплелся вокруг столбиков, и Сэди пришлось пролезть в дыру между выгнувшимися планками. Эш, убедившись, что хозяйка следует за ним, громко гавкнул и умчался вперед.

Высокая трава задевала Сэди по голым коленкам, и они сильно чесались там, где высох пот. Что-то тревожило Сэди, не давало покоя. С той минуты, как она перелезла через ворота, ее не оставляло чувство неправильности происходящего. Сэди не верила в дурные предчувствия – зачем нужно шестое чувство, если использовать остальные пять? – и действительно, вскоре нашлось рациональное объяснение. Сэди шла минут десять, когда поняла, что здесь не так. Поле пустовало. Нет, конечно, травы, деревьев и птиц там хватало, но больше ничего не было. Ни медленно ползущих тракторов, ни фермеров, которые вышли починить изгородь, ни пасущегося скота. Весьма необычно для этих мест.

Она огляделась, пытаясь найти доказательства собственной неправоты. Где-то неподалеку журчала вода, с ветки ивы на Сэди глядела какая-то птица, наверное ворон. Вокруг простирались поля с высокой шуршащей травой, кое-где торчали корявые деревья, но ни одного человека, насколько хватал глаз.

Сбоку мелькнула темная тень, Сэди вздрогнула. Птица вспорхнула с ветки и теперь летела прямо к ней. Сэди отпрянула в сторону, зацепилась за что-то и упала на четвереньки в раскисшую грязь под мощной ивой. Серdito оглянулась, и ее взгляд упал на обрывок заплевываемой веревки, обмотавшейся вокруг левой ноги.

Веревка.

Инстинктивно, а может, благодаря предыдущему опыту – перед глазами промелькнула череда страшных картин с мест преступлений – Сэди взглянула наверх. Так и есть, к самому толстому суку привязана едва заметная на шершавой коре веревка с измочаленным концом. Рядом еще одна, на которой почти у самой земли болтается сырая полусгнившая доска. Так это не петля, а всего лишь качели!

Сэди встала, отряхнула грязные колени, медленно обошла остатки качелей. Странно, что в этом уединенном месте когда-то играли дети, мелькнуло у нее в мозгу, но не успела она додумать эту мысль, как Эш вновь сорвался с места, – краткое беспокойство о Сэди сменилось желанием срочно найти брата.

Бросив последний взгляд на веревки, Сэди поспешила за псом. Теперь она замечала то, чего не видела раньше. Ряд разросшихся тисов оказался живой изгородью, довольно запущенной, но все же изгородью; с северной стороны, между обширными зарослями диких цветов, виднелся пролет моста; сломанные ворота, через которые она перелезла, выглядели не остатками заграждения, разделяющего природное пространство на две части, а полуразрушенной границей между цивилизацией и дикой природой. И это означало, что Сэди идет не по непаханому полю, а по саду. По крайней мере, раньше здесь был сад.

Из-за тисовой изгороди донесся вой, Эш в ответ громко гавкнул и нырнул в брешь среди ветвей. Сэди полезла за ним, однако на другой стороне остановилась. Перед ней, в тиши лесной просеки, темнела зеркальная гладь озера. По берегам росли ивы, а посередине возвышался большой земляной холм, что-то вроде острова. Озеро кишело утками, лысухами и камышниками, в воздухе стоял густой запах развороченной компостной кучи.

Рэмзи снова завыл, и Сэди пошла на его зов по мокрому берегу, осклизлому от многолетних наслоений утиного помета. Эш тревожно залаял; он стоял на деревянных мостках на дальней стороне озера, задрав морду к небу.

Сэди отвела ветви плакущей ивы, похожие на длинные тонкие пальцы, и нагнулась, чтобы не натолкнуться на странную стеклянную сферу на проржавевшей цепи. По дороге Сэди попались еще четыре шара, все покрытые грязью и затянутые изнутри паутиной многих поколений пауков. Она осторожно потрогала один из них, очарованная его необычностью, и попыталась угадать назначение этих шаров, которые, как фантастические фрукты, висели среди листвы.

У мостков Сэди увидела, что задняя лапа Рэмзи провалилась сквозь прогнившее дерево и застряла. Пес паниковал, и Сэди торопливо подошла к нему, осторожно ступая по доскам. Присела, погладила уши Рэмзи, успокаивая пса, убедилась, что он особо не пострадал, и прикинула, как его лучше вытащить. Не придумав ничего другого, Сэди обхватила собаку руками и потянула вверх. Недовольный подобным обращением Рэмзи царапал когтями мостки и страдальчески лаял.

– Знаю, знаю, – пробормотала Сэди. – Кто-то здесь не умеет принимать помощь.

В конце концов она вытащила пса и легла навзничь, переводя дыхание, а Рэмзи, изрядно взъерошенный, но целый и невредимый, сразу же отбежал подальше от мостков. Сэди закрыла глаза и рассмеялась, когда Эш благодарно лизнул ее шею. Внутренний голос шептал, что в любую минуту доски могут провалиться, однако Сэди слишком устала, чтобы прислушиваться.

Солнце уже поднялось, и Сэди чувствовала на лице божественное тепло. Она никогда не увлекалась медитацией, но в этот миг ей стало понятно, почему многие любят медитировать. Сэди удовлетворенно вздохнула, хотя в последнее время в ее жизни было мало поводов для довольства собой. Она слышала собственное дыхание; пульс под тонкой кожей на виске бился так громко, что Сэди казалось, будто она держит возле уха раковину с шумом океана.

Теперь, когда зрение не мешало, мир наполнился звуками: плеск воды у свай мостков внизу, шум уток, которые с хлопаньем и брызгами садились на гладь озера, негромкое потрескивание досок под жарким солнцем. Сэди вслушалась и различила за всеми этими звуками густой обволакивающий гул, словно кто-то одновременно завел сотни моторчиков. Гул прочно ассоциировался с летом, и только потом до нее дошло: насекомые, адова прорва насекомых.

Сэди села, моргая от яркого света. Поначалу все вокруг выглядело слепяще-белым, но вскоре вновь стало обычным. Сердцевидные листья кувшинок поблескивали на поверхности воды, словно глазурованные плитки; цветы, похожие на красивые раскрытые ладони, тянулись

к небу. В воздухе роились сотни крошечных крылатых созданий. Сэди встала и хотела уже подзвать собак, когда ее внимание привлекло кое-что на противоположном берегу озера.

Посреди залитой солнцем поляны стоял дом. Кирпичное здание с двумя одинаковыми фронтонами и портиком над парадным входом. Над черепичной крышей возвышалось множество труб, витражные окна всех трех этажей заговорщически шурились на солнце. Кирпичную стену дома густо оплело какое-то вьющееся растение, и маленькие птички деловито сновали туда-сюда среди кружева зеленых побегов и усиков, создавая эффект постоянного движения.

Сэди тихонько присвистнула.

– Интересно, что в этой глуши делает такая величественная пожилая дама? – вырвалось у нее.

Собственный голос показался Сэди чужим и непрошеным, юмор – натянутым; она словно вторглась в природное величие сада. Тем не менее дом необъяснимо манил к себе, и Сэди пошла к нему, пустившись в обход озера. Утки и другие дикие птицы не обращали на нее внимания, их безразличие вкупе с летней жарой и душной влажностью от застоявшегося водоема усиливали чувство отрезанности от мира.

На другой стороне озера обнаружилась заросшая боярышником дорожка, которая вела прямо к парадному входу. Сэди ковырнула поверхность дорожки носком кроссовки. Камень. Когда-то, наверное, розовато-коричневый, как весь местный камень, судя по строениям в деревне, но теперь почерневший от времени и недостатка заботы.

Про дом, похоже, забыли так же давно, как и про сад. С крыши кое-где попадала черепица и теперь валялась, расколотая, под ногами; одно из окон верхнего этажа было разбито. Уцелевшее стекло покрывал густой слой птичьего помета, который белыми сталактитами свисал с подоконника и стекал на глянцевые листья.

Маленькая птичка, словно предьявляя права на впечатляющие залежи, выпорхнула из-за разбитого стекла, нырнула почти вертикально вниз и спикировала мимо Сэди, едва не задев ее ухо. Девушка пошатнулась, но устояла на ногах. Этих птичек Сэди заметила еще у озера, они летали повсюду, шныряли в темных закоулках беспорядочного переплетения лоз и стеблей, перекликались взволнованным чириканьем. Впрочем, там были не только птицы, листва изобиловала насекомыми – бабочками, пчелами и другими, названий которых Сэди не знала, – отчего дом выглядел необычайно оживленным, что не соответствовало его плачевному состоянию.

Напрашивалось предположение, что дом пустует, однако по долгу службы Сэди не раз доводилось выезжать к пожилым людям, и она знала, что заброшенный вид жилища снаружи часто предваряет печальную историю жизни внутри. На облупившейся деревянной двери криво висел потускневший медный молоток в форме лисьей головы, и Сэди потянулась было к нему, чтобы постучать, но потом опустила руку. Что она скажет, если ей откроют? Еще не хватало, чтобы ее обвинили в нарушении границы чужих владений!.. Впрочем, в доме наверняка никого нет. Сэди не смогла бы объяснить, почему она в этом уверена, просто дом производил такое впечатление.

Над входной дверью виднелось панно из декоративного стекла: четыре фигуры в длинных одеяниях, каждая изображена на фоне, представляющем одно из времен года. Насколько могла судить Сэди, сюжет картины не был связан с религией, но воспринимался как таковой. Художник явно работал с искренней серьезностью, возможно, благоговением, отчего при взгляде на картину возникали мысли о церковных витражах. Сэди подтащила к дверям огромный грязный вазон и осторожно залезла на край.

Сквозь довольно большой кусок прозрачного стекла она увидела переднюю с большим овальным столом посередине. На столе стоял грушевидный фарфоровый кувшин с нарисованными на боку цветами и – Сэди прищурилась, чтобы разглядеть, – тусклым золотым узором, обвивающим ручку. В кувшине торчали тоненькие, хрупкие веточки какого-то растения,

похоже ивы, внизу валялись сухие листья. Из гипсовой розетки на потолке свисала люстра – хрустальная или стеклянная, в общем, что-то изысканно красивое, а в дальнем конце комнаты вверх уходила широкая изогнутая лестница с потертым красным ковром. На левой стене возле закрытой двери висело круглое зеркало.

Сэди прыгнула с вазона. Вдоль фасада дома тянулся затейливо разбитый сад, и Сэди едва отыскивала тропинку среди колючих, цепляющихся за футболку кустов. Пахло резко, но довольно приятно: влажной землей, прелыми листьями, цветами, которые распускались под теплыми солнечными лучами, а вокруг них уже хлопотали большие толстые шмели, собирая пыльцу из мелких бело-розовых соцветий. «Ежевика», – подумала Сэди и удивилась: откуда такие познания?

На деревянной оконной раме были вырезаны неровные буквы, позеленевшие от плесени: «Э» и, похоже, еще одна «Э». Сэди провела пальцем по глубоким царапинам, лениво прикидывая, чьих рук это дело. Из густых зарослей под подоконником торчал изогнутый кусок железа. Она раздвинула ветви и обнаружила ржавые обломки садовой скамейки. Сэди оглянулась через плечо на дебри, из которых только что выбралась. А ведь когда-то здесь можно было спокойно сидеть и любоваться ухоженным садом! Теперь такое даже представить трудно.

Опять возникло странное, почти жутковатое чувство, и пришлось его отогнать. Она имеет дело с фактами, а не с ощущениями, и после недавних событий хорошо бы напоминать себе об этом почаще. Сэди прижала сложенные домиком ладони к стеклу и заглянула в окно.

В комнате было темно, но, когда глаза привыкли, удалось различить во мраке кое-какие предметы: рояль в углу возле двери, диван посреди комнаты и пару кресел лицом к нему, камин у дальней стены. Знакомая ситуация, когда словно поднимаешь крышку и заглядываешь в чужую жизнь. Сэди считала подобные минуты изюминкой своей работы, и не важно, что зрелище часто открывалось не самое приятное: ей всегда нравилось наблюдать, как живут другие люди. Сэди машинально стала делать мысленные заметки, как делала на месте преступления, куда ее вызывали по долгу службы.

Вдоль стен, оклеенных полинялыми серо-лиловыми обоями с цветочным рисунком, прогибались под тяжестью тысячи книг стеллажи. Над камином нес стражу большой, написанный маслом портрет женщины с точеным носом и сдержанной улыбкой. На примыкающей стене Сэди увидела двустворчатые застекленные двери с тяжелыми камковыми шторами по бокам. Похоже, когда-то двери вели в боковой садик, и погожим, вроде сегодняшнего, утром солнце врывалось в комнату, оставляя на ковре яркие теплые квадраты. Увы, цепкий плющ плотно заплел стекло, пропуская внутрь лишь крохи света. Сбоку от дверей стоял узкий деревянный стол, а на нем – фотография в красивой рамке. Сам снимок Сэди не разглядела из-за темноты, но даже если бы было светлее, обзор загораживала старомодная чашка с блюдцем.

Сэди поджала губы и задумалась. Судя по некоторым признакам – открытой крышке рояля, небрежно сдвинутым диванным подушкам, чашке на столе, – в комнате кто-то был, но ненадолго вышел и вот-вот должен вернуться; однако в то же время мир за стеклом пребывал в каком-то мрачном состоянии устоявшегося покоя. Комната, казалось, застыла вместе со всем содержимым, словно даже воздух, самый беспокойный из элементов, остался снаружи, и теперь внутри нечем дышать. Была еще одна деталь, подтверждающая, что комната давно пустует. Сначала Сэди решила, что у нее просто устали глаза, но потом поняла, что смазанный вид объясняется толстым слоем пыли.

Луч света падал на письменный стол у окна, и теперь Сэди разглядела, что все там покрыто пылью: чернильница, абажур и несколько открытых книг. На стопке лежал лист бумаги, который привлек внимание Сэди. Рисунок детского личика, очень красивого, с большими серьезными глазами, пухлым ротиком и спадающими на уши волосами, отчего малыш (трудно сказать, мальчик или девочка) больше походил на садового эльфа, а не на настоящего ребенка. Сэди заметила, что рисунок кое-где размазан, черные чернила расплылись, линии

утратили четкость. В нижнем углу было что-то написано, стояла подпись и дата: 23 июня 1933 года.

Сзади раздался громкий треск, и Сэди вздрогнула, ударившись лбом о стекло. Два черных, тяжело дышащих пса вырвались из зарослей ежевики и стали обнюхивать ее ноги.

– Пора завтракать, да? – спросила она, когда холодный влажный нос ткнулся в ладонь. Желудок Сэди радостно откликнулся на это предположение, тихо заурчав. – Тогда пошли! Отведу вас домой.

Перед тем как пролезть за собаками сквозь разросшуюся тисовую изгородь, Сэди бросила прощальный взгляд на дом. Солнце скрылось за облаком, и окна больше не блестели. Здание словно нахмурилось, совсем как избалованный, привыкший к всеобщему вниманию ребенок, который дует из-за того, что про него забыли. Даже птицы стали еще нахальнее и с резкими, похожими на смех криками сновали туда-сюда над затуманенной поляной, и чем жарче припекало, тем громче звучал хор насекомых.

Аспидная поверхность озера таинственно поблескивала, и Сэди вдруг остро почувствовала себя незваной гостьей. Трудно сказать почему, но, пролезая в дыру в изгороди, а потом следуя за собаками к дому, она знала: в этом доме произошло нечто ужасное. Возможно, ей подсказывало полицейское чутье.

Глава 4

Корнуолл, октябрь 1932 г.

Девочки смеялись и, конечно, завопили от радости, когда игрушка едва не задела мамину голову. Элис восторженно всплеснула руками, глядя, как Клементина, топая ногами, бежит за планером.

– Не смей запускать эту штуковину рядом с малышом! – предупредила мама, поправив волосы на макушке и убедившись, что все шпильки на месте.

Даже если Клемми слышала ее слова, то не подала виду. В развевающейся юбке, она бежала так, будто спасала свою жизнь, подняв руки и готовясь поймать планер, если он вдруг соберется упасть.

Несколько любопытных уток, которые приковывали с озера взглянуть на суматоху, разбежались с негодующим кряканьем в вихре перьев, когда планер, скользя, приземлился и замер прямо посреди их компании.

Папа одобрительно улыбнулся из-за книги стихов, которую читал на скамейке у старого вазона:

– Превосходная посадка! Просто великолепная!

Папа сам придумал подарить Клемми планер. Увидел объявление в журнале и заказал игрушку из самой Америки. Предполагалось, что это секрет, но Элис знала о нем несколько месяцев – она всегда раньше всех узнавала, кто кому что намерен подарить. Еще весной она однажды вечером увидела, как папа показывает на объявление и говорит: «Ты только взгляни! Идеальный подарок Клемми на день рождения, да?»

Мама отнеслась к папиному предложению без особого восторга, спросив, неужели он и вправду считает деревянный планер подходящим подарком для двенадцатилетней девочки. Папа только улыбнулся и ответил, что Клементина не обычная двенадцатилетняя девочка. И он был прав: Клемми определенно отличалась от других девочек. «Сын, которого у нас нет», как любил говорить папа, пока не появился Тео. И с планером папа не ошибся: Клемми разорвала упаковку прямо за столом, после обеда, и, увидев подарок, широко распахнула глаза, а потом завизжала от восторга. Она вскочила на ноги и рванулась к двери, потянув за собой скатерть.

– Клемми, нет! – взмолилась мама, едва поймав опрокинувшуюся вазу. – Мы еще не закончили! – Она вопросительно взглянула на остальных. – Ох, давайте останемся в доме! Может, поиграем в шарady в библиотеке...

Впрочем, трудно отмечать день рождения, когда виновница торжества сбежала, и потому, к вящей маминой досаде, пришлось выйти из-за изысканно накрытого стола и перенести послеобеденное празднование в сад.

Все они – семейство Эдевейн, а с ними мистер Ллевелин, бабушка и няня Роуз – высыпали на большую поляну в поместье Лозннет, когда на густую зеленую траву уже начали ложиться длинные послеобеденные тени. Стоял прекрасный день, осенний, но еще теплый. На стене дома цвел клематис, маленькие птички щебетали, проносясь над поляной, и даже малыша Тео вынесли в плетеной люльке на свежий воздух.

На соседнем поле фермер жег вереск, и пахло чудесно. Элис обожала этот запах, который ассоциировался у нее со сменой времен года, и теперь, глядя, как Клемми заводит деревянный планер, она чувствовала на шее тепло солнечных лучей, а под босыми ногами – холодную землю и наслаждалась редкими минутами полного блаженства.

Элис вытащила из кармана записную книжку и поспешила описать свои впечатления от самого дня и окружающих ее людей; она грызла кончик ручки, рассеянно блуждая взглядом по залитому солнцем дому, ивам, блестящему озеру и желтым розам, взбирающимся по железным воротам. Сад, казалось, сошел со страниц сказочной книги – Впрочем, он и на самом деле

был садом из сказки! – и Элис его очень любила. Она никогда не уедет из поместья. Никогда. Она представила, как доживет здесь до преклонных лет. Счастливая старушка с длинными седыми волосами и в компании нескольких кошек. Да, она обязательно заведет кошек, чтобы не скучать. Клемми будет приезжать в гости, а Дебора, наверное, нет, – той лучше в Лондоне, где у нее огромный дом, богатый муж и команда служанок для присмотра за нарядами...

Это один из тех дней, думала Элис, радостно водя пером, когда все, похоже, испытывают одинаковые чувства. Папа решил отдохнуть от научной работы, мистер Ллевелин снял строгий пиджак и разгуливал в рубашке и жилете, а бабуля Дешиль, которая дремала под ивой, выглядела почти веселой. Единственное исключение – мама, но она терпеть не могла, когда срывались ее тщательно продуманные планы, так что сдержанное недовольство было вполне ожидаемо.

Клемми заразила своим энтузиазмом даже Дебору, а уж она-то никогда не увлекалась игрушками, считая себя слишком взрослой и благовоспитанной. Понятное дело, Дебора рассердилась, села в гордом одиночестве на скамью под окном библиотеки и лишь изредка снисходила до разговора, всем своим видом показывая, что у нее есть дела поважнее и остальным просто повезло наслаждаться ее обществом.

– Попробуй запустить его по кругу, – предложила Дебора, держа в руках коробку от планера. – Здесь написано, что, если правильно закрутить резинки, он сделает петлю.

– Чай готов, – сообщила мама с осуждением в голосе, которое слышалось тем сильнее, чем дальше события отклонялись от намеченного сценария.

Все плотно пообедали, и никто не хотел чая, лишь мистер Ллевелин, преданный друг, подошел и взял у мамы чашку с блюдцем.

Дебора, наоборот, не обратила на мамин призыв никакого внимания.

– Давай, Клемми, запусти его еще раз! – велела она.

Клемми, которая засовывала планер под атласный пояс, ничего не ответила. Она заправила подол платья в трусы, наклонила голову и оценивающе взглянула на вершину платана.

– Клемми! – требовательно позвала Дебора.

– Подсадите меня, ладно? – отозвалась младшая сестра.

Мама в это время настойчиво угощала мистера Ллевелина тортом, но, будучи всегда начеку, сразу же заметила надвигающуюся опасность.

– Нет, Клемми! Не смей! – воскликнула она, не уронив при этом ни крошки торта.

В поисках поддержки она бросила взгляд на папу, однако тот вновь укрылся за книгой, погрузившись в мир Китса.

– Пусть попробует, – успокаивающе произнес мистер Ллевелин. – Все в порядке.

Больше не в силах сопротивляться очарованию дня, Дебора бросила коробку на скамью и поспешила к подножию дерева. Няню Роуз уговорили взяться за руки с Деборой, чтобы получилась ступенька, на которую залезла Клемми. После пары неудачных попыток вскарабкаться наверх она исчезла среди нижних ветвей.

– Осторожнее, Клементина! – воскликнула мама, устремляясь к месту действия. – Пожалуйста, осторожнее!

Она ходила вокруг дерева и тяжело вздыхала, пытаясь разглядеть сквозь густую листву, как высоко забралась Клемми.

Наконец сверху донесся победный крик и появилась рука, которая радостно махала с вершины дерева. Элис прищурилась на послеобеденном солнце и улыбнулась, глядя, как младшая сестра устраивается в самой высокой развилке и высвобождает из-под пояса планер. Клемми туго закрутила резинки, подняла руку, выбирая наилучший угол пуска, а потом – вжик! – и запустила планер.

Планер летел, словно птица, парил в светло-голубом небе, то слегка ныряя вниз, то снова выравнивая полет, пока не упала скорость, тогда давление на хвост уменьшилось и задняя часть планера приподнялась.

– Смотрите! – закричала Клемми. – Вот сейчас смотрите!

И действительно, планер начал описывать огромную петлю прямо над озером, и это было такое впечатляющее зрелище, что даже мистер Харрис и новый садовник, которые что-то делали у мостков, отвлеклись от своего занятия и уставились на небо. Все невольно захлопали, когда планер, выполнив фигуру, полетел дальше, пронесся над водой и изящно приземлился на заросшей лужайке у фонтана на другой стороне озера.

Казалось, весь мир замер, когда маленький самолетик описывал круг, и потому Элис немного удивилась, услышав детский плач. Бедный малыш! Все так увлеклись, что совсем забыли про него в плетеной люльке. Элис, которая всегда считала себя наблюдателем, огляделась вокруг, ожидая, что кто-нибудь поспешит к ребенку, и вдруг поняла: все заняты и, кроме нее, помочь некому. Она хотела было подойти к Тео, но папа ее опередил.

Элис знала, вернее, ей внушили, что существуют отцы, которые и пальцем не пошевелят, чтобы успокоить младенца. Только не папа. Он был лучшим отцом в мире, добрым, заботливым и очень, очень умным. Любил природу и науку и даже писал книгу о земле. Он работал над ней больше десяти лет, и это было единственным, что Элис в нем изменила бы, хотя никогда не призналась бы вслух. Она радовалась, что отец такой умный, гордилась им; к сожалению, он слишком много времени уделял своей книге, а Элис мечтала, чтобы папа принадлежал только им.

– Элис! – позвала Дебора; в ее голосе не было ни капли пренебрежения, наверное, она хотела сказать что-то важное. – Элис, скорее! Мистер Ллевелин собирается покатать нас на лодке!

Потрясающе! Редкое развлечение – мама обожала его в детстве и с тех пор к катанию на лодке относились как к антикварной вещи, которой нельзя пользоваться. Элис счастливо улыбалась, ее сердце прыгало от радости. Похоже, сегодняшний день станет самым лучшим из всех, решила она.

Глава 5

Корнуолл, 2003 г.

– Мы вернулись!

Сэди сбросила в маленькой прихожей грязные кроссовки, носком ноги аккуратно придвинула их к плинтусу. В коттедже на вершине холма пахло чем-то горячим и вкусным, и желудок громко заурчал, требуя завтрака.

– Эй, Берти, ты даже не представляешь, что мы нашли! – Сэди вытряхнула порцию собачьих галет из банки под вешалкой. – Дед, ты где?

– На кухне, – отозвался Берти.

Сэди погладила голодных псов и зашла в комнату.

Дед сидел за круглым деревянным столом, но не один. Напротив него сидела невысокая, энергичная на вид женщина с короткими седыми волосами и в очках. Она держала кружку и приветливо улыбалась.

– Ой, извините, – пробормотала Сэди, – я не знала...

Дед отмахнулся от извинений.

– Чайник еще горячий, детка. Наливай себе чай и присоединяйся к нам. Это Луиза Кларк из больницы, пришла забрать игрушки для ярмарки на празднике солнцестояния. – Сэди улыбнулась в знак приветствия, а дед добавил: – А еще она любезно принесла нам рагу.

– Это меньшее, что я могла сделать, – сказала Луиза, привстав, чтобы обменяться с Сэди рукопожатием.

На ней были линялые джинсы и футболка такого же ярко-зеленого цвета, как оправка очков. Надпись на футболке гласила: «Чудеса случаются!» У Луизы было замечательное лицо, оно словно светилось изнутри, как будто она спала лучше, чем все остальные. По сравнению с ней Сэди сразу почувствовала себя пропыленной, мрачной и морщинистой.

– Ваш дедушка вырезает изумительно красивые игрушки. У больницы в этом году будет великолепный киоск! Нам очень повезло с вашим дедом.

Сэди не могла не согласиться, но, зная, что дед не любит, когда его хвалят на людях, предпочла промолчать. Она просто чмокнула Берти в лысую макушку, когда протискивалась за его стулом.

– Наверное, придется стоять над ним с плеткой и заставлять работать, – сказала Сэди, усаживаясь на скамью. – Рагу так вкусно пахнет!

Луиза просияла:

– Мой особый рецепт – чечевица и немного любви.

У Сэди было несколько вариантов ответа, но, прежде чем она выбрала самый подходящий, в разговор вмешался Берти:

– Сэди приехала погостить из Лондона.

– В отпуск? Как мило! Вы же еще будете здесь через две недели, на праздник?

– Возможно, – ответила Сэди, избегая взгляда Берти. Она не распространялась о своих планах, сколько бы тот ни спрашивал. – Там видно будет.

– Да, пусть решает вселенная, – одобительно кивнула Луиза.

– Примерно так.

Берти поднял брови, но решил не настаивать. Он кивнул на грязную одежду Сэди:

– Ты как после сражения.

– Видел бы ты моего противника!

Луиза удивленно распахнула глаза.

– Моя внучка увлекается бегом, – объяснил Берти. – Она из тех странных людей, которые, похоже, получают удовольствие от дискомфорта. На прошлой неделе погода не баловала, вот Сэди и засиделась в четырех стенах, теперь снимает напряжение на местных тропах.

– Да, с приезжими такое случается, – рассмеялась Луиза. – К нашим туманам нужно привыкнуть с детства.

– Рада сообщить, что сегодня тумана нет, – сказала Сэди, отрезая толстый ломоть хлеба. – Воздух кристально чистый.

– Тем лучше. – Луиза допила чай. – В больнице у меня тридцать два возмущенных ребенка ждут пикника у моря. Еще день отсрочки – и они поднимут восстание.

– Позвольте вам помочь, – предложил Берти. – Не хочу давать маленьким узникам повод для мятежа.

Пока они заворачивали деревянные резные игрушки в бумагу и бережно укладывали в картонную коробку, Сэди намазала хлеб маслом и джемом. Ей не терпелось рассказать Берти о найденном в лесу доме. Его странная аура одиночества до сих пор преследовала Сэди, и сейчас она почти не слушала Берти и Луизу, которые возобновили разговор о каком-то Джеке из комитета.

– Я схожу к нему и прихвачу грушевый кекс, который он так любит, – говорил Берти. – Попробую переубедить.

Сэди взглянула через кухонное окно на сад деда и дальше, на гавань, где десятки рыбацких лодок покачивались на бархатной глади моря. Подумать только, как быстро Берти прижился на новом месте! Он приехал сюда чуть больше года назад, а уже успел со всеми подружиться, как будто живет здесь всю жизнь. Сама Сэди сомневалась, что сможет перечислить имена соседей по многоквартирному дому, в котором обитала семь лет.

Она сидела за столом и безуспешно пыталась вспомнить, как зовут парня из квартиры сверху – Боб, Тодд, Род? – когда Берти сказал:

– Ну давай, Сэди, детка, что ты там нашла? У тебя такой вид, словно ты свалилась в заброшенную медную шахту. – Он замер с бумагой в руках. – Ты же туда не падала?

Сэди с напускным нетерпением закатила глаза. С тех пор как умерла Рут, дед все время беспокоился, по крайней мере, когда дело касалось Сэди.

– А что тогда, клад? Мы разбогатели?

– Увы, нет.

– Как знать, вдруг и посчастливится, – заметила Луиза. – Здесь на побережье полно туннелей, вырытых контрабандистами. Вы обегали мыс?

– Нет, я была в лесу, – ответила Сэди.

Она коротко рассказала, как потерялся Рэмзи и ей с Эшем пришлось сойти с тропы, чтобы его найти.

– Сэди...

– Знаю, дедушка, лес дремучий, а я дитя асфальта, но со мной был Эш, и хорошо, что мы пошли искать Рэмзи. Как оказалось, у него лапа застряла в старых мостках.

– Мостки? В лесу?

– Не совсем в лесу. Там есть поляна, а на ней – поместье. Мостки были на озере посреди потрясающего заросшего сада. Тебе бы он понравился. Там ивы и огромные живые изгороди. Думаю, когда-то этот сад выглядел весьма впечатляющим. Еще там стоит дом. Заброшенный.

– Имение Эдевейнов, – тихо произнесла Луиза. – Лоэннет.

В названии прозвучала волшебная напевность, присущая многим корнуоллским словам, и Сэди невольно вспомнила странное чувство, которое охватило ее, когда она услышала хор насекомых: будто бы дом живой.

– Лоэннет, – повторила она.

– Это означает «Дом у озера».

– Да... – Сэди представила заболоченное озеро и его жутковатых пернатых обитателей. – Да, так оно и есть. Что там произошло?

– Ужасная история. – Луиза печально покачала головой. – Случилась еще в тридцатых годах, до моего рождения. Мама часто ее рассказывала, когда хотела предупредить, чтобы мы, дети, далеко не забредали. В праздничную ночь бесследно пропал ребенок. В свое время эта история наделала шуму: семья была богатой, и об исчезновении много писали в центральной прессе. Провели серьезное полицейское расследование, из Лондона приезжало большое начальство. Правда, все без толку. – Она сунула в коробку последнюю игрушку и закрыла крышку. – Бедный малыш, он едва начал ходить.

– Я никогда не слышала об этом деле.

– Сэди работает в полиции, – пояснил Берти и добавил с ноткой гордости: – Детективом. Сэди слегка поморщилась.

– Ну, все произошло очень давно, – сказала Луиза. – Примерно раз в десять лет эта история всплывает. Кто-нибудь звонит в полицию, сообщает о новых следах, которые в итоге никуда не приводят. Или какой-нибудь тип заявится бог знает откуда и утверждает, что он и есть тот пропавший мальчик. Впрочем, дальше местных газет это не уходит.

Сэди представила покрытую пылью библиотеку, книги на письменном столе, рисунок, портрет на стене. Личные вещи, которые когда-то были кому-то дороги.

– Как так случилось, что дом бросили?

– Семья просто уехала. Заперли двери и вернулись в Лондон. Со временем люди забыли про этот дом. Он стал нашим местным замком Спящей красавицы. Стоит посреди леса, а туда мало кто пойдет без веской причины. Говорят, когда-то там было восхитительно: великолепный сад, большое красивое озеро. Своего рода рай. Но все закончилось, когда исчез ребенок – как сквозь землю провалился.

Берти удовлетворенно вздохнул и тихо хлопнул в ладоши:

– Да, чего-то в подобном духе я и ждал от Корнуолла.

Сэди удивленно нахмурилась. Обычно дед был человеком прагматичным. История, конечно, романтическая, но полицейское чутье Сэди подсказывало, что здесь что-то не так. Никто не может просто взять и бесследно исчезнуть. Решив разобраться с реакцией Берти в другой раз, Сэди повернулась к Луизе:

– Я о полицейском расследовании... Кого-то заподозрили?

– Виновным никого не признали. Не было никаких зацепок. Мальчика долго искали, так как вначале думали, что он просто заблудился, но так и не нашли.

– Его семья больше сюда не возвращалась?

– Нет.

– Может, дом продали?

– Насколько я знаю, нет.

– Странно, – заметил Берти. – Просто заперли дом и бросили?

– Думаю, у них с этим домом связано слишком много печальных воспоминаний, – сказала Луиза. – Только представьте, потерять ребенка! Ужасное горе, да еще чувство собственной беспомощности. Я понимаю, почему Эдевейны уехали. Видимо, решили полностью порвать с прошлым. Начать с чистого листа где-нибудь в другом месте.

Сэди что-то пробормотала в знак согласия. Она не стала говорить, что знает по собственному опыту: как бы далеко человек ни пытался сбежать, сколько бы раз ни пробовал начать все сначала, прошлое настигнет его даже через годы.

Вечером в комнате на втором этаже, которую ей отвел Берти, Сэди достала конверт, так же как и вчера, и позавчера. Впрочем, она не стала вытаскивать письмо. Зачем, если содержание выучено несколько недель назад?... Над адресом стояла надпись большими буквами: «НЕ

СГИБАТЬ. ВНУТРИ ФОТОГРАФИЯ». Ее Сэди тоже помнила. Улика. Осязаемое доказательство того, что она совершила.

У изножья кровати заворочались собаки, Рэмзи тихонько заскулил во сне. Сэди положила руку на теплый собачий бок, чтобы успокоить пса.

– Ну-ну, старина, все будет хорошо.

Сэди вдруг поняла, что успокаивает не только Рэмзи, но и себя. Пятнадцать лет прошлое искало ее, Сэди, и вот нашло. Пятнадцать лет Сэди сосредоточенно двигалась вперед, решив никогда не оглядываться. Даже трудно поверить, что все ее усилия построить барьер между «тогда» и «теперь» пошли прахом после одного-единственного письма. Стоило закрыть глаза – и перед мысленным взором предстала она сама, шестнадцатилетняя: дешевое ситцевое платье, толстый слой губной помады, густо подведенные глаза. Она до сих пор помнила тот замусоленный огрызок карандаша, отражение в зеркале и невыносимое желание накраситься так сильно, чтобы за темными кругами никто не увидел ее саму.

За ней приехала семейная пара; Сэди их не знала, ей только сказали, что это знакомые деда с бабушкой. Мужчина остался в машине и стал протирать руль тряпкой, а его жена, деловитая, с перламутровой коралловой помадой на губах, вылезла из пассажирского кресла и торопливо направилась к тротуару.

– Доброе утро! – поздоровалась она с радостным оживлением человека, который совершает добрый поступок и очень этим гордится. – Ты, должно быть, Сэди.

Сэди все утро просидела на кирпичной стене перед двухквартирным домом ее родителей, решив, что нет смысла торчать в пустой комнате, и безуспешно пыталась придумать, что еще можно сделать. Социальная работница с выкрашенными хной волосами объяснила Сэди, где и когда нужно ждать, когда за ней приедут, и она хотела было отказаться, однако передумала. Просто не осталось другого выхода. Может, она и с придурью – родители не уставали это повторять, – но отнюдь не глупа.

– Сэди Спэрроу? – настойчиво повторила женщина; на светлых волосках над ее верхней губой виднелись бисеринки пота.

Сэди не ответила: всему есть предел, и ее уступчивости тоже. Просто сжала губы и притворилась, что увлечена созерцанием стайки скворцов в небе. Впрочем, женщину это совершенно не смутило.

– Меня зовут миссис Гардинер, а вон там, на переднем сиденье, – мистер Гардинер. Твоя бабушка Рут попросила нас заехать за тобой, так как ни она, ни твой дедушка не водят машину. Конечно, мы согласились. Мы живем по соседству и довольно часто ездим в этом направлении.

Миссис Гардинер кивнула залакированной прической в сторону сумки с логотипом «Британских авиалиний», которую отец Сэди привез из прошлогодней командировки во Франкфурт.

– Это все твои вещи?

Сэди подтянула сумку по бетону к себе и прижалась к ней ногой.

– Да ты путешествуешь налегке! Мистер Гардинер удивится.

Отгоняя мошку, женщина хлопнула руками прямо перед своим носом, и Сэди вдруг вспомнила кролика Питера. Надо же, она навсегда покидает родной дом, а в голову лезут мысли о персонаже из детской книжки! Это было бы смешно, только вот в ту минуту Сэди казалось, что она больше никогда не сможет смеяться.

Сэди решила, что не стоит проявлять слабость и оборачиваться на дом, где прожила всю жизнь, но, когда мистер Гардинер отъехал от обочины, предательский взгляд Сэди скользнул в сторону. Дома никого не было, и вокруг Сэди не заметила ничего, чего бы ни видела до этого тысячу раз. В соседском окне дрогнула тюлевая занавеска и снова опустилась, официально свидетельствуя, что краткое возмущение, вызванное отъездом Сэди, закончилось и монотонная жизнь пригорода вошла в привычное русло. Доехав до конца улицы, большая машина мистера

Гардинера повернула, и они направились на запад, в Лондон, где Сэди предстояло начать все заново у бабушки и дедушки, которых она почти не знала, но которые согласились принять ее, когда ей было некуда идти.

Над головой раздался глухой стук. Сэди, моргнув, отогнала воспоминания и вернулась в тускло освещенную комнату с выбеленными стенами, скошенным потолком и слуховым окном, откуда открывался вид на бескрайний темный океан. Одна-единственная картина украшала стены, та самая репродукция в рамочке, которую Рут повесила над кроватью Сэди в Лондоне. Картина изображала штормовое море и огромную волну, готовую накрыть три рыбацкие лодочки. «Мы купили эту картину во время нашего медового месяца, – как-то раз сказала Рут Сэди. – Мне она сразу понравилась: столько драматизма в этой достигшей самой высокой точки волне, что вот-вот обрушится вниз!.. Отважные закаленные моряки не сдаются, они изо всех сил борются за свою жизнь». Сэди сразу уловила намек.

Еще один удар. Похоже, Берти снова на чердаке.

За неделю, что Сэди провела в коттедже, она заметила в действиях деда определенную последовательность. Днем он был всегда занят: новая жизнь, друзья, огород, бесконечные приготовления к предстоящему празднику, а вот вечером... Обычно после ужина Берти поднимался по шаткой лестнице на чердак, всякий раз придумывая новый предлог: то он искал какую-то особую кастрюльку, то мутовку, то кулинарную книгу. Пока он передвигал ящики и вытаскивал их содержимое, сверху доносился стук, потом промежутки между ударами удлинялись и сквозь щели в полу вниз плыл сладкий и навязчивый запах трубочного дыма.

Сэди знала, чем занимается дед на чердаке. Кое-какую одежду Рут он уже отдал в «Оксфам», однако еще осталось довольно много ящиков, наполненных вещами, с которыми он просто не мог расстаться. «В другой раз, – торопливо сказал дед, когда Сэди предложила ему помочь разобрать вещи, а потом добавил, словно извиняясь за резкий тон: – Они мне не мешают. Мне нравится думать, что под этой крышей многое напоминает о Рут».

Для Сэди стало неожиданностью, когда дед сказал, что продал все имущество и переезжает в Корнуолл. Они с Рут всю свою совместную жизнь прожили в одном доме, который Сэди обожала. Она думала, что Берти останется там навсегда, не в силах покинуть место, где счастливые воспоминания теснятся по пыльным углам, как образы из старого кинопроектора. Впрочем, Сэди не довелось испытать той преданной и нежной любви, что объединяла Рут и Берти, так откуда ей знать? Выяснилось, что дед с бабушкой давно собирались переехать. Мысль о переезде в Корнуолл возникла у Берти, когда он был еще совсем юным, после разговоров с одной покупательницей, которая рассказывала о прекрасной погоде на юге, великолепных садах, соли, морских волнах и богатом фольклоре. «Так и не собрались, – печально сказал дед через несколько недель после похорон. – Всегда кажется, что впереди еще уйма времени, пока в один прекрасный день не поймешь, что его не осталось». Сэди спросила его, будет ли он скучать по Лондону, а дед пожал плечами и сказал, что, конечно, будет, ведь здесь он родился, вырос, встретил Рут и создал семью. «Но это уже прошлое, детка, и куда бы я ни уехал, оно будет со мной. А вот сделать что-то новое, то, о чем мы часто говорили с Рут, это вроде как дать будущее и ей».

Внезапно на лестничной площадке послышались шаги, потом в дверь постучали. Сэди торопливо сунула конверт под подушку:

– Заходи.

Дверь открылась, за ней стоял Берти с формой для кекса в руках. Сэди широко улыбнулась:

– Нашел, что искал?

– Да, вот эту штуковину. Хочу завтра испечь свой фирменный грушевый кекс. – Дед слегка нахмурился. – Только сейчас вспомнил, груш-то у меня и нет.

– Да, боюсь, это вызовет определенные трудности.

– Может, сходишь завтра утром в деревню и купишь?

– Ну, я проверю свое расписание...

– Спасибо, детка. – Берти рассмеялся, а потом, слегка замявшись, добавил: – Я еще кое-что нашел. – Он достал из формы книгу с загнутыми уголками страниц и показал обложку. – Почти как новая, да?

Сэди сразу ее узнала. Как будто в гости неожиданно заглянул старый добрый друг, который поддерживал тебя в трудный период. Надо же, она и не знала, что Берти и Рут сохранили этот сборник головоломок! Сейчас даже трудно представить, какое важное место он занял в жизни Сэди, когда она только-только перебралась к дедушке с бабушкой. Сэди закрылась в гостевой спальне их дома, маленькой комнате над магазином, которую Рут приготовила специально для нее, и методично, страница за страницей, проработала всю книгу, изучила ее от корки до корки с почти религиозным рвением.

– Ты разгадала все головоломки, – сказал Берти. – Все до единой.

Сэди растрогала нотка гордости в голосе деда.

– Да.

– И ни разу не подглядела в ответы.

– Конечно.

Сэди бросила взгляд на неровно оборванные края, туда, где были страницы с ответами, которые она выдрала, чтобы не соблазниться и не подсмотреть. Для нее было очень важно решить все задачи самостоятельно. Только ее собственное достижение, чистое и абсолютное, в котором никто не сможет усомниться. Конечно, она пыталась что-то доказать. Доказать самой себе, что она не глупая, не безнадежная и не «паршивая овца». Доказать, что у любой проблемы, даже очень серьезной, есть решение, а волна спадет, и рыбаки выживут.

– Книгу купила мне Рут.

– Да.

Это был идеальный подарок, сделанный исключительно вовремя, хотя Сэди подозревала, что тогда она его не оценила. Сэди даже не помнила, что сказала бабушке, когда та вручила ей книгу. Возможно, ничего: в то время Сэди не отличалась общительностью. Шестнадцатилетний комок дерзости и немногословного презрения ко всему и ко всем, включая этих малознакомых родственников, которые пришли ей на помощь.

– Интересно, как она догадалась?

– О, она была очень умной и доброй. Видела людей насквозь.

Берти улыбнулся, и они с Сэди притворились, что у них обоих заблестели глаза вовсе не от воспоминаний о бабушке. Он положил книгу на тумбочку:

– Может, пока ты здесь, подберешь себе еще что-нибудь в этом духе? Или какой-нибудь роман считаешь? Обычно люди в отпуске так и делают.

– Правда?

– Насколько я слышал.

– Ну, тогда мне тоже придется.

Дед поднял бровь. Ему, конечно, очень хотелось узнать, с чего это вдруг Сэди решила его навестить, но он хорошо ее знал и не стал допытываться.

– Ладно, пойду-ка я спать. Нет ничего лучше морского воздуха, да?

Сэди согласилась и пожелала ему спокойной ночи, но, когда дверь за дедом закрылась, услышала, что он снова поднимается на чердак.

Трубочный дым струился сквозь половицы, собаки беспокойно дремали у кровати, дед наверху вспоминал прошлое, а Сэди листала книгу. Ничего особенного, всего лишь скромный сборник головоломок, тем не менее он спас ей жизнь. Пока бабушка не подарила ей эту книгу, Сэди не знала, что хорошо соображает. Не знала, что умеет разгадывать головоломки или что сам процесс будет доставлять ей не меньше удовольствия, чем получают другие дети, прогу-

ливая уроки. Когда это выяснилось, перед ней открылась новая дверь; Сэди даже представить не могла, что все так обернется. Она переросла свои подростковые беды и нашла работу, где нужно разгадывать настоящие тайны, но последствия ошибок гораздо серьезнее, чем разочарование в собственных интеллектуальных способностях.

А случайно ли Берти нашел сегодня именно ту книгу, что прочно ассоциировалась с определенным периодом ее жизни? Или он догадался, что теперешний визит связан с событиями пятнадцатилетней давности, которые, собственно, и привели Сэди в дом бабушки и дедушки?

Сэди достала конверт, снова взгляделась в осуждающий почерк. Ее собственное имя и адрес словно укоряли ее с конверта. Письмо стало ее личной бомбой с часовым механизмом, которая безжалостно тикает, пока Сэди пытается ее разрядить. Она должна обезвредить эту бомбу. Из-за нее все пошло наперекосяк, и ситуация не изменится, пока Сэди не примет меры. Зачем она вообще получила эту гадость? Почтальон мог бы выронить письмо из сумки, и его носило бы ветром, пока какая-нибудь псина не поймала бы конверт и не сжевала, превратив в мокрые ошметки... Тяжело вздохнув, Сэди сунула письмо в сборник головоломок. Она не была наивной и прекрасно понимала, что в мире нет справедливости. И все-таки несправедливо, что из-за одной ошибки человеческая жизнь должна дважды идти под откос.

Решение пришло, когда Сэди засыпала. Как обычно в последнее время, ей грезилась освещенная сзади маленькая девочка, которая стояла в дверях и, протягивая руки, звала маму. Сэди вдруг проснулась и открыла глаза. Ответ на все (так ей показалось в ночной тиши) проблемы был настолько прост, что она сама удивилась. Подумать только, потребовалось шесть недель, чтобы отыскать решение, а она еще гордится своим умением разгадывать головоломки! Собственно, кто подтвердит, что письмо ее нашло? Сэди отшвырнула одеяло, достала из книжки письмо и взяла с тумбочки ручку. Торопливо нацарапала на лицевой стороне конверта «Адресат выбыл», старательно изменив почерк. «Вернуть отправителю». Сэди полюбовалась на дело рук своих и облегченно вздохнула. Словно гора с плеч... Поборов желание еще раз взглянуть на фотографию, она аккуратно заклеила конверт, чтобы никто не заподозрил подвоха.

На следующий день с утра пораньше, когда Берти и собаки еще спали, Сэди натянула форму для бега, пронеслась по темным тихим улицам и бросила конверт в единственный на всю деревню почтовый ящик, откуда письмо должны были забрать обратно в Лондон.

Ноги бежали с вновь обретенной энергией, и пока золотое солнце поднималось в розовом небе, Сэди наслаждалась ощущением, что все плохое закончилось. Как будто письмо и не приходило. Берти никогда не узнает причину ее неожиданного визита в Корнуолл, а она, Сэди, сможет вернуться на работу. Теперь, когда содержание письма не туманит рассудок, она раз и навсегда выкинет из головы дело Бейли и выберется из окутавшего ее помрачения. Осталось только поговорить с Дональдом.

Днем Сэди вновь отправилась в деревню, на этот раз за грушами для Берти. Она выбрала более длинный путь: по скалам до смотровой площадки, а оттуда вниз по крутой западной тропе прямо на детскую площадку. И правда, этот край очарователен, ясно, почему Берти влюбился в него с первого взгляда. «Я сразу почувствовал, что это место меня притягивает», — сообщил он с неожиданным пылом. Деду так хотелось верить в действие неких внешних сил, предопределивших его переезд, что Сэди просто улыбнулась и кивнула.

Она достала из кармана мелочь, нетерпеливо встряхнула. Мобильная связь в деревне ловила плохо, но в парке был телефон-автомат, и Сэди собиралась позвонить, пользуясь тем, что Берти ее не слышит. Она бросила монеты в прорезь и замерла в ожидании, постукивая по губе большим пальцем.

– Рейнс, – послышался в трубке ворчливый голос.

– Дональд, это Сэди.

– Спэрроу? Я тебя плохо слышу. Как отпуск?

– Да, это я. Замечательно. – Она помешкала и добавила: – Отдыхаю.

Насколько Сэди знала, от отпускников ждут чего-нибудь в этом роде.

– Очень хорошо.

В трубке шумело и трещало. Понимая, что ни она, ни Дональд не любят вести светские беседы, Сэди решила сразу перейти к делу:

– Слушай, я тут много думала и готова вернуться. – (Молчание.) – На работу, – добавила Сэди.

– Прошла всего лишь неделя.

– Она прочистила мне мозги. Морской воздух и все такое.

– Спэрроу, я думал, что вполне ясно выразился. Четыре недели, и никаких возражений.

– Дон... – Сэди оглянулась через плечо, увидела женщину, которая раскачивала ребенка на качелях, и понизила голос. – Я знаю, что перешла границы. Я поступила неправильно, приняла дело близко к сердцу и не справилась с работой. В моей жизни действительно не все было гладко, но теперь с этим покончено, я в порядке и...

– Погоди-ка.

На другом конце провода раздалось приглушенное бормотание. Дональд что-то ответил и вернулся к их разговору.

– Послушай, Спэрроу, здесь кое-что происходит, – тихо сказал он.

– Правда? Новое дело?

– Мне пора идти.

– Да, конечно. Я просто хочу сказать, что готова...

– Очень плохая связь. Позвони через несколько дней, ладно? Давай на следующей неделе.

Тогда все и обсудим.

– Я ведь...

Связь прервалась, и Сэди выругалась в трубку, потом нащарила в кармане еще несколько монет. Снова набрала номер Дональда, но попала на голосовую почту. Немного подождала и набрала еще раз. То же самое.

Какое-то время она сидела на скамье у детской площадки. Пара чаек дралась из-за жареной картошки, высыпавшейся из разорванного газетного кулька. Ребенок на качелях плакал, цепи качелей сочувственно скрипели. Может, Дональд намеренно не брал трубку? Похоже на то. Можно было бы набрать еще чей-нибудь номер, но Сэди так и не придумала, кому позвонить. До боли хотелось вернуться в Лондон, где от нее гораздо больше пользы и есть чем заняться, кроме как ходить за грушами. Сэди переполняло разочарование, смешанное с бессилием. Радостное возбуждение исчезло. Ребенок на качелях устроил настоящую истерику и выгибался всем телом, уворачиваясь от матери и не давая вытереть грязную мордашку. Если бы Сэди могла, то с радостью бы к нему присоединилась.

– Вот ведь безобразник! – сказала женщина тем осуждающим тоном, каким обычно говорят родители, когда жалуются на детей.

Проходя мимо, Сэди слабо улыбнулась и продолжила свой путь в деревню. Там с преувеличенной тщательностью выбрала груши, изучив каждый плод, словно подозреваемого на опознании, расплатилась и пошла домой.

Она и раньше проходила мимо библиотеки – каменное здание стояло на Хай-стрит и служило ориентиром по дороге из деревни к дому деда, – но никогда не заглядывала внутрь. Сэди не любила библиотеки. Слишком много книг, чересчур тихо. Однако в этот раз она бросила взгляд на библиотечное окно и замерла. Там высилась целая пирамида из детективных романов, все в черных переплетах, на обложках большими серебряными буквами напечатано

имя: Э. С. Эдевейн. Сэди, конечно, слышала об этой писательнице. Э. С. Эдевейн была одним из немногих мастеров детективного жанра, которого с удовольствием читали полицейские, и к тому же национальным достоянием. Луиза рассказывала о семье Эдевейн и о доме у озера, но тогда Сэди и в голову не пришло, что между ними есть какая-то связь. Сейчас Сэди рассматривала рекламный плакат над книгами – «Наш местный автор готовится опубликовать пятидесятый роман!» – и ощущала то особое волнение, когда два, казалось бы, совершенно разных кусочка головоломки совпадают.

Без лишних раздумий Сэди вошла в здание. Услужливый, похожий на гнома человечек с именованным бейджиком на рубашке сообщил, что, конечно, у них есть краеведческая секция, и спросил, не ищет ли она что-нибудь конкретное.

– Вообще-то, ищу, – ответила Сэди, опуская на пол сетку с грушами. – Мне нужна вся информация об одном доме. И о старом полицейском расследовании. Да, кстати, пока я здесь, какую книгу Э. С. Эдевейн вы бы мне порекомендовали?

Глава 6

Лондон, 2003 г.

Питер чуть не уронил пакет, когда бежал за автобусом. К счастью, за всю жизнь он так привык к собственной неловкости, что успел прижать пакет локтем и даже не сбился с шага. Вскочил в автобус, достал из кармана проездной билет, убрал с глаз длинную челку и заметил одно свободное место.

– Извините, – сказал он, ни к кому конкретно не обращаясь, и пошел по проходу, в то время как автобус рванул вперед. – Извините, пожалуйста. Простите. Прошу прощения.

Дама с поджатыми губами, которая сидела у окна, хмуро выглянула из-за газеты «Таймс», когда автобус резко повернул за угол, и Питер рухнул на соседнее сиденье. Дама чуть поерзала и тихо вздохнула, показывая, что Питер принес с собой нежелательный вихрь суеты. Сам Питер всегда подозревал за собой способность мешать людям и потому нисколько не обиделся.

– Думал, что пройду пешком, – вежливо произнес он, поставив сумку и пакет между ног, – но отсюда до Хэмпстеда слишком далеко, особенно в такую жару.

Дама ответила ему вымученной улыбкой, которую кто-нибудь менее великодушный, чем Питер, вполне мог бы принять за гримасу, и снова уткнулась в газету, предварительно встряхнув ее, чтобы расправить страницы. Подобная манера чтения напрочь отвергала присутствие соседа; впрочем, Питер не отличался крупной комплекцией и обнаружил, что развернутые страницы его почти не заденут, если он вожметя в спинку. Более того, из такого положения видны все новостные заголовки, значит в Хэмпстеде можно будет не останавливаться у газетного киоска.

Элис требовала, чтобы Питер следил за новостями. Под настроение она любила поболтать и не очень-то жаловала глупцов. Так она заявила в самый первый день их совместной работы. Элис тогда еще прищурила глаза, как будто обладала сверхъестественной способностью распознавать дураков с первого взгляда.

Питер бросил взгляд на вторую страницу, которую соседка любезно пристроила у него на коленях: последний опрос общественного мнения показал, что у лейбористов и консерваторов примерно равный рейтинг, шестеро служащих Королевской военной полиции погибли в Ираке, Маргарет Ходж назначили министром по вопросам детства. Хорошо хоть о деле Бейли больше не пишут на первых страницах, подумал Питер. Ужасное происшествие: маленькую девочку бросили одну на несколько дней, причем бросил именно тот человек, который должен был о ней заботиться. Питер так и сказал за послеобеденным чаем в один из дней, когда это дело было в центре внимания, и Элис его поразила: она долго смотрела на свою чашку, а потом заявила, что они не имеют морального права судить других, ведь им неизвестны все обстоятельства дела. «Вы еще молоды, – торопливо продолжила она. – Жизнь излечит вас от наивных предположений. В этом мире можно лишь одно утверждать с уверенностью: ни на кого нельзя рассчитывать».

Поначалу присущая Элис желчность пугала Питера. Весь первый месяц работы он не сомневался, что его вот-вот уволят, и лишь позже понял: это часть натуры Элис, особое чувство юмора, порой язвительное, но не злое. Плохо было то, что Питер ко всему относился слишком серьезно. Он считал эту черту своего характера недостатком и пытался данный недостаток скрыть. Это не всегда удавалось – таким уж Питер уродился. Его родители и старшие братья любили смех и веселье, и когда младшенький надолго задумывался над шутками или подначками, они только качали головой, посмеивались, ерошили ему волосы и удивлялись, что за серьезный кукушонок, дай бог ему счастья, невесть откуда взялся в их гнезде.

Слова родных задевали Питера, но не сильно. Дело в том, что он всегда отличался от родственников, и не только простодушием. Два его старших брата росли коренастыми, плот-

ными мальчуганами и стали коренастыми, плотными мужчинами, которых легко представить с бутылкой пива в одной руке и футбольным мячом в другой. А Питер, напротив, был тощим, бледным, долговязым и легко велся на розыгрыши. «Доверчивый простачок», как назвала его мать, не осуждая, а скорее удивляясь, что у них с мужем появился этот странный маленький подмышш с нежной, легкоранимой кожей и необъяснимой любовью к библиотечному абонементу. «Он любит читать», – говорили родители Питера своим друзьям таким благоговейным тоном, словно сообщали, что его наградили Крестом Виктории⁴.

Питер и вправду любил читать. К восьми годам он прочитал все книги из детского отделения Килбернской библиотеки – серьезный повод для гордости, если бы не одно неприятное обстоятельство: до получения вожделенного взрослого читательского билета Питеру нужно было ждать несколько лет. Слава богу, в библиотеке работала мисс Тальбот, которая прикусила губу, поправила именной бейджик на лимонном кардигане и сказала с решимостью, слегка оживившей ее обычно тихий и мягкий голос, что для Питера всегда найдется подходящее чтение и она лично об этом позаботится. Для Питера мисс Тальбот стала настоящей волшебницей. Дешифровщиком секретных кодов, повелительницей каталожных карточек и десятичной классификации Дьюи⁵, проводником в чудесные миры.

Послеполуденные часы, которые Питер проводил в библиотеке, вдыхая запах нагретой солнцем застарелой пыли тысяч разных историй и многолетней, идущей снизу сырости, вызывали у него восторг. Сейчас, двадцать лет спустя, Питер сидел в автобусе номер сто шестьдесят восемь до Хэмпстед-Хит и испытывал почти физическое чувство, что снова вернулся в то время. Каким же огромным и многообещающим казался мир, когда он, Питер, был заперт в четырех кирпичных стенах!

Рискуя получить от соседки осуждающий взгляд, Питер сдвинул газету и достал из сумки памятный буклет. Он лежал в потрепанном экземпляре «Больших надежд», книге, которую Питер перечитывал в память о мисс Тальбот. С первой страницы буклета улыбалась сама мисс Тальбот.

Элис, как обычно, не сдержала любопытства, когда Питер объявил, что во вторник утром ему нужно присутствовать на похоронах. Она вообще жадно интересовалась его жизнью. Порой донимала вопросами, которые скорее можно было бы ожидать от изучающего человеческую расу инопланетянина, чем от восьмидесятишестилетней представительницы этой самой расы. Поначалу подобное вмешательство несколько нервировало Питера, считавшего свою жизнь вполне заурядной и не заслуживающей особого внимания. Он предпочитал читать о жизни и мыслях других людей, а не делиться собственными. Однако Элис не терпела возражений. Со временем Питер смирился и стал отвечать на вопросы без обиняков. Впрочем, нельзя сказать, что ее интерес помог Питеру поднять собственную самооценку: Элис с таким же рвением изучала привычки семейства лис, устроивших себе логово за садовым сараем.

– Похороны? – переспросила она, пристально взглянув на молодого человека из-за стопки книг, которые подписывала для испанского издателя.

– Первые в моей жизни, – признался Питер.

– Зато не последние, – буднично заметила Элис, ставя широкий росчерк на странице. – За всю жизнь их еще столько наберется! Доживете до моих лет и тогда поймете, что проводили под землю больше людей, чем можете пригласить к утреннему чаю. Хотя, конечно, весьма нужный ритуал: смерть без похорон ни к чему хорошему не приводит. – Питер не успел задуматься над словами Элис, как она продолжила: – Кто-то из родственников? Друг? Всегда тяжелее, когда умирают молодые.

⁴ *Крест Виктории* – высшая военная награда Великобритании.

⁵ *Десятичная классификация Дьюи* (сокр. ДКД, англ. DDC) – универсальная классификация (печатных) трудов, используется в модернизированном виде в основном в библиотеках.

Он рассказал о мисс Тальбот, удивляясь, сколько странных мелочей застряло в мозгу девятилетнего мальчугана. Изящные часики из розового золота на запястье, привычка потирать большой палец указательным, когда она задумывалась, запах мускуса и увядших лепестков от ее кожи.

– Ваша советчица, – сказала Элис, подняв серебристые брови. – Наставница. Вам очень повезло. И все это время вы с ней общались?

– Не совсем. Мы потеряли связь, когда я уехал учиться в университет.

– Но вы ее навещали. – Утверждение, отнюдь не вопрос.

– Не слишком часто.

Никогда, но Питеру было стыдно в этом признаться. Он давно собирался зайти в библиотеку, однако закрутился, да и как-то не попадал в те края. О смерти мисс Тальбот Питер узнал случайно. Элис отправила его в Британскую библиотеку с заданием, и он лениво перелистывал страницы «Библиотечного вестника», ожидая, когда из архива принесут немецкую книгу о ядах, как вдруг в глаза бросилось ее имя. Мисс Тальбот – *Люси* Тальбот, конечно же, у нее было имя! – скончалась от рака, похороны назначены на вторник, десятое июня. Питера точно громом поразило. Он даже не знал, что мисс Тальбот больна. Впрочем, откуда ему было знать? Питер сказал себе, что таков извечный порядок вещей, дети вырастают и уходят, и вообще, память сильно приукрасила их с мисс Тальбот дружбу. Он вообразил, что между ними существовала некая особая связь, а на самом деле мисс Тальбот просто делала свою работу и у нее было много таких читателей.

– Сомневаюсь, – ответила на это Элис. – Вероятнее всего, она встречала много детей и не испытывала к ним особых чувств, пока не нашелся один, который стал ей дорог.

Питер не льстил себя мыслью, что она пытается повысить его самооценку. Элис действительно так думала и выразила свое мнение с привычной прямоотой, а если он чувствует себя последним мерзавцем, то при чем здесь она?

Спустя несколько часов, когда он увлеченно работал, перенося результат утренних трудов Элис в новенький компьютер, который она наотрез отказалась использовать, Элис спросила:

– А мои книги она вам давала?

Питер поднял взгляд от пестрящего правками машинописного предложения. Он понятия не имел, о чем говорит Элис, и даже не сразу понял, что она все еще в комнате. Элис никогда не присутствовала, когда Питер работал с компьютером: почти каждый день после обеда она уходила по каким-то таинственным делам, о которых никогда не рассказывала.

– Ваша библиотекарша. Она давала вам мои книги?

Питер хотел солгать, но тут же передумал: у Элис было чутье на неправду. Он признался, что не давала, и, к его удивлению, Элис рассмеялась:

– Правильно. Мои книги не для детей.

Что верно, то верно. Элис писала английские детективы, в них не было ничего милого или уютного. Обозреватели любят называть подобные произведения «психологически напряженными» и «неоднозначными с моральной точки зрения», и в них «почему» не менее важно, чем «кто» и «как». В своем знаменитом интервью для Би-би-си Элис заявила, что в самом убийстве нет ничего занимательного, куда интереснее человеческий фактор, стремление убить, страсти и негативные чувства, которые приводят к этому ужасному поступку. Элис прекрасно разбиралась в таких страстях и чувствах. Интервьюер сказал ей об этом, и Элис кивнула, вежливо выслушала, когда он намекнул, что от ее виртуозного владения предметом ему слегка не по себе, а потом ответила: «Писателю не нужно никого убивать, чтобы писать детективы, точно так же как ему не нужна машина времени, чтобы написать о битве при Азенкуре. Он должен знать о темных глубинах человеческой души и стремиться исследовать их до самого дна. – Помолчала и добавила с милой улыбкой: – Кроме того, мы ведь все хотя бы на миг испытывали желание убить, правда?»

После интервью продажи книг Элис взлетели до небес, хотя она и не нуждалась в подобной рекламе. Элис пользовалась успехом уже несколько десятков лет. Имя Э. С. Эдвейн прочно ассоциировалось с жанром полицейского процедурного детектива, а ее выдуманного сыщика Диггори Брента, брюзгливого бывшего военного, увлекающегося лоскутным шитьем, многие читатели любили больше, чем родного отца. И это не было преувеличением, судя по недавнему опросу, который проводила воскресная газета «Санди таймс». «Замечательно», – сказала Элис, когда ее рекламный агент сообщил эту новость по телефону. Не успел Питер подумать, что ей все-таки не совсем безразличны чувства других людей, как она добавила: «Конечно, это не совсем то, чего бы мне хотелось».

Питер не признался Элис, что не читал ее книг, пока не стал ее помощником. Если на то пошло, он почти не читал современную литературу. Мисс Тальбот, которая взялась незаконно поставлять несовершеннолетнему книги для взрослых, отнеслась к делу очень серьезно. Какое-то время она думала, не начать ли с научно-популярной литературы. Какой вред, рассуждала мисс Тальбот вслух, могут нанести детскому уму труды по истории? Однако потом все-таки решила, что изучение классики бесценно, и достала с полки библиотечный экземпляр «Больших надежд». Питер без оглядки влюбился в мир газовых фонарей, сюртуков и конных экипажей.

Именно маниакальное увлечение художественной литературой девятнадцатого века и привело его к Элис. Окончив университет, Питер оказался на распутье: предложений работы для человека с докторской степенью и диссертацией «Аллегорические изображения просвещения, человеческой сущности и разума в викторианских романах 1875–1893 гг.» было не слишком много. Питер решил дать себе время для размышлений и за лето придумать, что делать дальше. Однако плату за квартиру никто не отменял, и потому Питер подрабатывал у своего брата Дэвида: помогал уничтожать насекомых и грызунов. Элис позвонила в понедельник рано утром. Сказала, что все выходные ей не давал спать какой-то подозрительный тикающий шум в стене и нужно, чтобы кто-то немедленно принял меры.

– Занозистая старуха, – сообщил Дэвид Питеру, когда они вылезли из фургона и направились к дому Элис. – Впрочем, довольно безобидная. У нее странная привычка вызывать меня и говорить, что, по ее мнению, я найду. А еще более странно, что она не ошибается.

– Наверное, там завелся жук-точильщик, – сказала Элис, пока Дэвид раскладывал снаряжение у стены спальни и прослушивал шум через прижатый к штукатурке стакан. – *Xestobium...*

– ...*rufovillosum*, – одновременно с ней пробормотал Питер, а потом пояснил, видя, что Дэвид смотрит на него с недоумением: – Как в рассказе «Сердце-обличитель».

Последовало холодное молчание, потом Элис спросила:

– Кто это? – Таким голосом могла бы говорить королева, если бы зашла посмотреть, как продвигается истребление вредителей. – Насколько я помню, мистер Обел, у вас не было помощника.

Дэвид объяснил, что у него и нет помощника, а это его младший брат Питер, который будет помогать ему несколько недель, пока не решит, куда пойти работать.

– Пусть отдохнет от книг, – добавил Дэвид. – А то, на свою беду, слишком умный.

Элис едва заметно кивнула и удалилась, поднявшись в комнатку под самой крышей, где, как теперь знал Питер, устроила себе рабочее место.

Позже, когда они сидели в прокуренной задней кабинке в пабе «Пес и свисток», Дэвид хлопнул брата по плечу.

– В общем, ты разбудил дракона и выжил, – заметил он, допивая пиво и подбирая дробинки. – Кстати, что это ты ей сказал про какое-то там сердце?

Питер поведал ему об Эдгаре По, о безымянном рассказчике, который совершил тщательно подготовленное убийство, о том, как настойчиво он повторял, что совершенно вменяем, и о саморазоблачении, вызванном чувством вины, – а Дэвид, далекий от готичной лите-

ратуры, раз за разом попадал в десятку. Когда дротик закончился, он весело предположил, что Питеру повезло, ведь Элис вполне могла бы замуровать в стену его самого.

– Знаешь, она специализируется на убийствах. Правда, насколько я знаю, не на настоящих. Совершает убийства на бумаге.

Письмо от Элис пришло через неделю – вместе с чеком за проделанную работу. Отпечатанное на пишущей машинке с дефектной буквой «и» и подписанное темно-синими чернилами, послание было предельно простым. Элис искала временного помощника, пока не вернется постоянный, и ждала Питера в пятницу в полдень.

Почему он согласился? Теперь уже и не вспомнишь, но позже Питер заметил, что люди, как правило, выполняют распоряжения Элис Эдевейн. Ровно в полдень он позвонил в дверь, и его провели в нефритово-зеленую гостиную на первом этаже. На Элис были элегантные саржевые брюки и красивая шелковая блузка; сейчас Питер воспринимал этот наряд как униформу. На шее у нее висела цепочка с большим золотым медальоном, белые волосы были аккуратно уложены назад изящными волнами, которые заканчивались за ушами послушными завитками. Элис села за письменный стол из красного дерева, жестом велела Питеру сесть на обитый стул напротив себя, поставила локти на столешницу, сложила ладони домиком и засыпала Питера градом вопросов, которые, казалось, не имели никакого отношения к его будущей работе. Он как раз что-то рассказывал, когда Элис, бросив взгляд на судовые часы над камином, прервала его на полуслове, резко встала и протянула руку. Он до сих пор помнил прикосновение холодной, похожей на птичью лапку ладони. Собеседование закончено, коротко сказала Элис. Сейчас у нее дела, а он может приступить к работе со следующей недели.

Автобус номер сто шестьдесят восемь притормозил у обочины в конце Фицджеральда-авеню, и Питер торопливо собрал вещи. Та встреча с Элис произошла три года назад. Загадочный постоянный помощник почему-то так и не вернулся, и Питер остался.

Элис работала над особенно трудной сценой: перемещением из одной точки пространства в другую. Эти описания всегда ей тяжело давались. Дело было в их незначительности, в простой на вид задаче довести персонаж от важного эпизода А до не менее важного эпизода Б и не потерять читательского интереса. Элис никому об этом не говорила, особенно репортерам, но даже после сорока девяти книг она по-прежнему мучилась с чертовыми перемещениями.

Элис поправила на носу очки, подняла рамку бумагодержателя пишущей машинки и перечитала последнюю строку. «Диггори Брент вышел из морга и направился в полицейское управление».

Коротко, четко, указывает направление. Следующие строки должны быть такими же простыми и ясными. Пусть персонаж подумает о чем-то связанном с темой книги, надо мельком упомянуть, где он проходит или проезжает, чтобы читатели не забыли о его передвижениях, а затем финальное предложение, в котором он переступает порог своего кабинета и – вуаля! – там ждет сюрприз, и благодаря ему сюжет вместе с героем будет двигаться дальше.

Проблема заключалась в том, что Элис уже использовала все сценарии, какие могла придумать, и теперь откровенно скучала. К скуке Элис не привыкла и не собиралась ей поддаваться. Мать всегда говорила, что скучающих людей можно только пожалеть, и вообще, скука – удел глупцов. Занеся пальцы над клавишами машинки, Элис решила ввести в сцену мысли персонажа о лоскутном одеяле, над которым он работал, – возможно, как некую аллегорию неожиданного поворота в расследовании.

Эти маленькие кусочки ткани оказались весьма полезными и не раз выручали. Забавно, что они появились благодаря счастливой случайности. Элис подыскивала для Брента такое хобби, которое подчеркивало бы его чутье на узоры и схемы, и как раз в то время ее сестра Дебора забеременела и в совершенно несвойственном ей порыве взялась за иголку с ниткой. «За рукоделием я расслабляюсь, – говорила сестра, – и не думаю о том, что может пойти не

так». Элис решила, что лоскутное шитье вполне подходящее увлечение для такого человека, как Диггори Brent, чтобы заполнить долгие ночные часы, которые когда-то занимала его семья. Критики утверждали, что Элис придумала сыщику хобби, желая смягчить его шероховатый характер, но они ошибались. Элис любила шероховатости и с недоверием относилась к тем, кто от них избавлялся.

«Диггори Brent вышел из морга и направился в полицейское управление». И?.. Пальцы Элис зависли над клавиатурой. Что потом? «Он шел и думал...» О чем?

Мозг отказывался работать.

Разозлившись, Элис вернула на место рамку бумагодержателя, сняла очки и переключила внимание на вид из окна. Стоял теплый июньский день в самом начале лета, и небо было ярко-голубым. В детстве Элис не могла устоять перед такой прекрасной погодой и предпочитала проводить время на свежем воздухе, там, где пахло согретыми солнцем листьями и жимолостью, бетон покрывал от жары, а сверчки прятались в прохладных норках под землей. Увы, Элис давно выросла, и в мире не так много мест, которые она предпочла бы своему писательскому кабинету даже сейчас, когда ее покинуло вдохновение.

Эта комната находилась под самой крышей викторианского дома из красного кирпича на Холли-Хилл. Маленькая, со скошенным потолком, она отличалась одной особенностью: по словам риелтора, который показывал дом, предыдущий владелец держал в ней взаперти свою мать, – наверное, та стала для него обузой. Элис порадовалась, что так и не завела детей. Она купила дом исключительно из-за этой комнаты, хотя, конечно, печальное прошлое было здесь ни при чем. Элис вполне хватало горестей в прошлом ее собственного семейства, и она никогда не путала историю с романтикой. Просто ей очень понравилось расположение комнатки: она напоминала гнездо, крепость на неприступной скале, сторожевую башню.

С места, где Элис работала, просматривался весь Хэмпстед до самой пустоши, Хэмпстедские пруды, а за ними – остроконечные крыши и шпили Хайгейта. За спиной находилось еще одно окно – маленькое, круглое и похожее на иллюминатор. Из него открывался вид на задний двор с садом, замшелую кирпичную стену и деревянный сарай, отмечающий границу владений Элис. Густой сад достался в наследство еще от одной прежней владелицы, которая работала в Королевских ботанических садах Кью, а в свободное время создавала «Сад земных наслаждений» у себя на заднем дворе. Под присмотром Элис сад сильно разросся, но не по воле случая или из-за недостатка заботы. Элис обожала леса, особенно те, которых не касалась рука человека.

Внизу щелкнул замок входной двери, заскрипели половицы. Затем послышался звук, как будто что-то уронили. Питер. Он не то чтобы неловкий, подумала Элис, просто ему мешают чересчур длинные руки и ноги. Она взглянула на часы и удивилась: уже два часа. Немудрено, что ей хочется есть. Элис переплела пальцы и вытянула руки вперед. Встала. Печально, конечно, что она потратила все утро, пытаясь провести Диггори Brentа из пункта А в пункт Б, но тут уж ничего не поделаешь. За полвека профессионального писательства Элис усвоила, что бывают дни, когда лучше отступить. Пусть Диггори Brent проведет ночь на ничейной земле между моргом и своим кабинетом. Элис вымыла руки в маленькой раковине у заднего окна, вытерла полотенцем и пошла вниз по лестнице.

Ничего удивительного, что у нее возникли затруднения, причем дело не только в скуке. Чертов юбилей и шумиха, которую собираются устроить издатели, когда Элис достигнет круглой даты! Безусловно, все делается в знак уважения, из самых лучших побуждений, и при других обстоятельствах Элис порадовалась бы торжеству в свою честь, но книга идет плохо. В том-то и загвоздка: самой ей не разобраться. Редактор, Джейн, умница и полна энергии, однако она молода и благоговеет перед Элис. Критики, настоящей критики, от нее не дождешься.

В самые мрачные минуты Элис с ужасом думала, что не осталось никого, кто скажет ей, когда уровень ее мастерства начнет падать. А в том, что со временем так и будет, она не сомне-

валась. Элис следила за творчеством других писателей своего поколения и знала, что рано или поздно неизбежно приходит книга, по которой заметно: автор теряет хватку и уже не так хорошо ориентируется в современных реалиях, как раньше. Это не всегда бросается в глаза: слишком подробное объяснение технологии, которую читатель воспринимает как нечто само собой разумеющееся, употребление полного названия, когда принято использовать аббревиатуру, устаревшая культурная отсылка – вроде бы мелочи, но весь текст звучит фальшиво. Элис гордилась достоверностью своих книг, привыкла получать комплименты за трепетное отношение к деталям, и сама мысль о том, что опубликованная книга не дотянет до привычного уровня, ее страшно пугала.

Именно поэтому каждый день после обеда Элис спускалась в метро, порой без определенной цели. Иногда люди ее раздражали, она прекрасно обходилась без человеческого общения, но ей нравилось за ними наблюдать. И лучшим местом для наблюдения оказались лабиринты метро. Весь Лондон проходил по этим туннелям, постоянный человеческий поток во всем своем разнообразии, и Элис чувствовала себя там совершенно незаметной. Старость – ужасное состояние, однако и в ней есть кое-что хорошее: с возрастом ты словно становишься невидимкой. Никто не обращает внимания на маленькую пожилую даму, которая чинно сидит в углу вагона, держа на коленях сумочку.

– Привет, Элис! – окликнул ее из кухни Питер. – Ланч почти готов!

На площадке второго этажа Элис хотела было крикнуть ему в ответ, но передумала. В ушах еще звучали давнишние мамины лекции о приличиях. В этом вся Элеонор, думала Элис, спускаясь по последнему пролету лестницы; прошло почти семьдесят лет с тех пор, как они жили под одной крышей, а она по-прежнему устанавливает свои правила, даже в этом доме, который никогда не видела. Порой Элис задавалась вопросом: что было бы, проживи мать дольше? Какую оценку она дала бы жизни своей дочери, одобрила бы карьеру Элис или нет, как отнеслась бы к ее нарядам или к тому, что у нее нет мужа? У Элеонор были непоколебимые понятия о моногамии и узах верности, хотя сама она вышла замуж за свою первую любовь, так что сравнение не совсем честное. Мать занимала особое место в воспоминаниях Элис о детстве; она принадлежала далекому прошлому, и Элис с трудом представляла, как на нее подействовало бы изменчивое время. Прекрасная, недоступная дама, обожаемая и далекая, в конечном итоге сломленная горем от своей потери. Единственный человек, по которому Элис тосковала с болезненно-горьким чувством обиженного ребенка.

Вообще-то, Элис не особо нуждалась в любви или заботе. Почти всю свою взрослую жизнь она прожила одна и не испытывала по этому поводу ни гордости, ни стыда. У нее были любовники; каждый из них приносил с собой зубную щетку и одежду, кое-кто оставался надолго, но дальше этого не шло. Элис никогда никому не предлагала переехать к ней и даже в мыслях не называла свой дом «нашим», только «моим». Все могло бы сложиться иначе – когда-то Элис была помолвлена, – однако Вторая мировая война положила конец этим отношениям, да и много чему еще. Жизнь такая штука: все время то открывает двери к возможностям, то закрывает, а человек слепо идет своей дорогой.

Добравшись до кухни, Элис увидела, что на конфорке кипит кастрюля, у дальнего конца стола стоит Питер, а перед ним открытый пакет с почтой. Питер поднял взгляд на Элис, когда та заходила в дверь. Он поздоровался, и в ту же секунду зазвенел таймер.

– Как раз вовремя!

Все-таки у Питера очаровательная улыбка, слегка кривоватая, зато всегда искренняя, подумала Элис. Собственно, она стала одной из причин, почему Элис его наняла. Улыбка, а еще тот факт, что Питер оказался единственным претендентом на должность помощника, кто пришел точно в назначенное время. С тех пор он зарекомендовал себя только с хорошей стороны, и неудивительно. Элис считала себя знатоком человеческих душ. По крайней мере, сей-

час она прекрасно разбиралась в людях. В прошлом, конечно, случались ошибки, и некоторые весьма досадные.

– Что-нибудь срочное? – спросила Элис, усаживаясь перед газетой, которую утром оставила открытой на странице с кроссвордом.

– Ангус Уилсон из «Гардиан» что-то готовит к торжественной дате. Джейн хочет, чтобы вы согласились.

– Кто бы сомневался. – Элис налила себе чашку свежесваренного «дарджилинга».

– Музей естествознания просит выступить на открытии выставки плюс приглашение посетить праздничный вечер в честь десятилетия со дня первой публикации книги «Смерть свое возьмет» и открытка от Деборы – подтверждение встречи в день рождения вашей матери в пятницу. Все остальное от читателей. С этими письмами я разберусь после обеда.

Элис кивнула, и Питер поставил перед ней тарелку – вареное яйцо на кусочке поджаренного хлеба. Вот уже двадцать лет Элис ела на ланч одно и то же, не считая, конечно, случаев, когда обедала не дома. Ей нравилось соблюдать заведенный порядок, но она не стала рабой своих привычек, в отличие от Диггори Брента, который, как известно, требовал от официанток, чтобы те готовили яйца точно по его любимому рецепту. Элис вынула ложечкой почти плотный желток, положила на тост и разрежала на четвертинки, наблюдая, как Питер сортирует почту.

Питер не отличался излишней разговорчивостью, и она это ценила. Конечно, молчаливость безумно бесила Элис, когда она пыталась вытянуть из него мнение относительно того или иного предмета, но уж лучше молчун, чем более словоохотливые помощники, которые работали у нее в прошлом. Элис решила, что ей нравится, как у него отросли волосы. С этой прической худощавый и кареглазый Питер походил на музыканта из какой-нибудь группы, играющей брит-поп⁶. Впрочем, может, все дело в темном бархатном костюме, подумала Элис, обычно Питер одевается не так строго. Ах да, он же был на похоронах библиотечарши, своего доброго старого друга, потому и пришел на работу попозже. Элис немного повеселела, надеясь выпытать у него все подробности. Ее взволновал рассказ Питера о своей наставнице, и она невольно вспомнила о мистере Ллевелине. Она редко думала о старике – слишком тесно его образ ассоциировался с тем ужасным летом, которое Элис пыталась вычеркнуть из памяти, но, когда Питер поведал о мисс Тальбот, об ее участии в его жизни и о неизгладимом впечатлении, которое она оставила, на Элис нахлынули воспоминания. Она словно вновь почувствовала запах сырости и речного ила, услышала негромкое стрекотание водяных клопов и увидела себя с мистером Ллевелином, как они плывут в старой лодке по течению, обсуждая любимые истории из книг. Наверное, то были лучшие минуты в ее жизни.

Элис отпила еще глоток чая, отгоняя нежелательные мысли о прошлом.

– Так, значит, вы проводили своего друга? – Элис помнила, как Питер признался, что это его первые похороны, а она сказала, что дальше их будет больше. – Все прошло, как вы ожидали?

– Думаю, да. Грустно, хотя и в некотором роде познавательно.

– То есть?

Питер задумался.

– Ну, я всегда знал ее как мисс Тальбот. А когда послушал, что про нее говорят другие – муж, сын... Это было очень трогательно. – Он смахнул с глаз челку. – Глупо звучит, да? Клише... – Он помолчал и начал снова: – Она оказалась более многогранным человеком, чем я себе представлял. А ведь чем лучше узнаешь людей, тем они интереснее, правда?

Элис согласно улыбнулась. Она считала, что на свете очень мало по-настоящему скучных людей, просто надо задавать правильные вопросы, и использовала этот прием, когда созда-

---

⁶ *Брит-поп* – жанр альтернативного рока, возрождение доминировавшего гитарного стиля поп-музыки 1960-х годов на музыкальной сцене Великобритании в 1990-е.

вала своих героев. Хорошо, когда в детективе преступником оказывается тот, кого вообще не подозревали, но самое важное – мотив преступления. Можно, конечно, удивить читателя бабулей-убийцей, однако логическое обоснование должно быть безупречным.

– А вот необычное письмо...

Питер замер, нахмутив брови и рассматривая конверт в руке. Чай Элис неожиданно стал горьким. Нет, все-таки она никогда не будет равнодушной к критике.

– Одно из тех самых, да?

– От детектива-констебля Спэрроу.

– А, из этих...

Элис по собственному опыту знала, что есть два типа полицейских: те, кто всегда готов помочь с вопросами процедурного характера во время работы над книгой, и зануды, которые любят указывать на нестыковки уже после того, как книгу напечатали.

– И каким же перлом профессиональной мудрости намерен поделиться с нами детектив Спэрроу?

– Тут другое. Это женщина, и она рассказывает о случае из жизни. Пропажа человека.

– Дайте-ка догадаюсь. Ей пришла в голову гениальная идея, и она хочет, чтобы я написала книгу, а прибыль мы поделим пополам?

– Нет, здесь говорится об исчезнувшем ребенке, – продолжил Питер. – Это случилось давно, еще в тридцатых годах прошлого столетия, в каком-то корнуоллском поместье. Дело не раскрыли.

До последнего вздоха Элис не смогла бы сказать, то ли в комнате внезапно похолодало, то ли ее внутренний терморегулятор сломался, когда мощным валом обрушилось прошлое, словно волна, которая давным-давно откатилась назад, а сейчас вернулась с приливом. Конечно, Элис знала, о чем идет речь в письме, и это не имело никакого отношения к вымышленным тайнам в ее книгах.

Письмо было написано на самой обычной бумаге, дешевой и тонкой, совсем непохожей на ту, которую выбирали для писем ее читатели. Питер читал вслух, и Элис хотелось, чтобы он замолчал, но слова застряли в горле. Она слушала краткое изложение известных обстоятельств давнего дела. Наверняка их вытащили из старых газетных подшивок или из ужасной книги Пикеринга. И ведь не запретишь получать информацию из открытых источников! Не запретишь посылать письма совершенно незнакомым людям и вываливать злополучное прошлое на человека, который сделал все возможное, чтобы никогда не возвращаться ни в то место, ни в то время.

– Похоже, она думает, что вы знаете, о чем речь.

Образы из прошлого пронеслись перед мысленным взором Элис, как выброшенные из колоды карты: участники поисковой партии, бредущие по колено в воде по блестящему озеру, толстый полицейский, обливающийся потом в зловонной духоте библиотеки, его помощник-юнец с блокнотом, мать и отец, оба с пепельно-серыми лицами, перед фотографом из местной газеты. Элис почти физически ощутила, как прижимается к стеклянным дверям и наблюдает, терзаемая тайной, которую так и не решилась никому открыть, и виной, которая до сих пор гнездится в глубине души.

Элис заметила, что у нее слегка дрожит рука, и постаралась запомнить это ощущение, чтобы использовать, когда в следующий раз будет описывать физическое проявление шока, ледяным душем обрушившегося на героиню, которая всю жизнь приучала себя сохранять невозмутимый вид. Она положила предательские руки на колени и произнесла, надменно выдвинув подбородок:

– Выбросьте письмо в мусорное ведро.

Говорила Элис на удивление спокойно; сейчас, наверное, уже почти не осталось людей, которые расслышали бы в ее голосе чуть заметное напряжение.

– Может, вы хотите, чтобы я ответил?

– Не вижу смысла. – Элис посмотрела Питеру в глаза. – Боюсь, детектив Спэрроу ошиблась. Она меня с кем-то перепутала.

Глава 7

Корнуолл, 25 июня 1933 г.

Человек говорил. Его рот двигался, оттуда вылетали фразы, но Элеонор не улавливала смысла сказанного, только выхватывала отдельные слова: «пропал без вести»... «заблудился»... «потерялся». Все мысли словно окутал благословенный туман, спасибо доктору Гиббонсу.

Ручеек холодного пота проскользнул за воротник, потек между лопатками. Элеонор вздрогнула, и Энтони, который сидел рядом, крепче сжал ее руку. Его большая ладонь покоилась на ее маленькой ладони, такая знакомая и такая чужая теперь, когда жизнь стала кошмаром. Элеонор вдруг увидела то, чего не замечала раньше: волоски, морщины, а под кожей, как дороги на карте, проглядывают бледно-голубые вены.

Жара не спадала. Обещанная гроза прошла мимо. Гром ворчал всю ночь, затем отдалился и гремел над морем. Тем лучше, сказал молодой полицейский, дождь смыл бы следы и улики. Этот же полицейский посоветовал им обратиться в газету. «Тогда еще тысяча пар глаз будет высматривать вашего мальчика».

Элеонор терзала тревога, страх парализовал тело. Хорошо, что Энтони сам взялся отвечать на вопросы репортера. Голос мужа доносился словно издали. Да, мальчик совсем маленький, ему еще не исполнилось одиннадцати месяцев, но он рано начал ходить, все дети Эдевейнов пошли рано. Красивый ребенок, сильный и здоровый... светлые волосы и голубые глаза... конечно, они предоставят его фотографию...

Через окно просматривался весь сад до самого озера. Там собрались полицейские в форме, еще какие-то мужчины. Элеонор их не знала. Большинство стояли на заросшем травой берегу, несколько человек зашли в воду. Озеро выглядело гладким, как стекло, большое серебряное зеркало, в котором колыхалось тусклое отражение неба. Утки куда-то исчезли, после того как водолаз в черном скафандре все утро исследовал озеро, ныряя с маленькой лодки. Кто-то сказал, что по дну озера прошлись баграми.

В детстве у Элеонор была собственная лодочка. Ее купил отец и на борту написал имя дочери. Лодка была оснащена деревянными веслами и белым парусом, и Элеонор каталась на ней почти каждое утро. Мистер Ллевелин звал ее Элеонорой – Искательницей Приключений, махал рукой с заросшего берега из-за мольберта, когда Элеонор на лодке проплывала мимо, сочинял истории о ее путешествиях и рассказывал их за обедом. Элеонор хлопала в ладоши, папа смеялся, а мама хмуро улыбалась.

Мама терпеть не могла мистера Ллевелина и его истории. Она ненавидела любые проявления мягкости, называя их «слабостью характера», а мистер Ллевелин отличался кротким нравом. В молодости он пережил тяжелый нервный срыв, после чего всю жизнь страдал от приступов меланхолии. Констанс презирала подобные проявления. Еще она не одобряла «нездоровое внимание», которым муж осыпал дочь. Констанс считала, что излишнее баловство только портит ребенка, и без того обладающего «в высшей степени строптивым характером». Да и вообще, муж мог бы тратить деньги разумнее. Вечная тема для разговоров – деньги, вернее, их нехватка, разница между жизнью в мамином представлении и повседневной жизнью семейства. Ночами Элеонор часто слышала, как родители ссорятся в библиотеке: резкий голос мамы и тихие, успокаивающие реплики отца. И как он терпит постоянные упреки, удивлялась Элеонор. «Любовь, – пояснил мистер Ллевелин, когда она рискнула обратиться к нему с этим вопросом. – У нас не всегда есть выбор, где, кого и как любить, а любовь помогает нам найти в себе силы, о существовании которых мы даже не догадывались».

– Миссис Эдевейн?

Элеонор открыла глаза и поняла, что находится в библиотеке на диване, рядом с Энтони, и его большая ладонь по-прежнему бережно сжимает ее руку. На миг Элеонор удивилась, когда заметила, что напротив сидит человек с маленьким блокнотом в руках и карандашом за ухом. Вихрем вернулась реальность.

Репортер. Пришел поговорить о Тео.

Руки без ее любимого малыша словно налились свинцом. Вспомнилась первая ночь, когда они с Тео были только вдвоем. Из всех четырех детей только он родился почти под утро, и, убаюкивая сына, Элеонор чувствовала под рукой движения пяточек, тех самых маленьких крепких ножек, которые всего лишь день назад брыкались внутри ее живота. Она разговаривала с сыном, шептала, что всегда будет его оберегать...

– Миссис Эдевейн?

С Тео все было по-другому с самого начала. Элеонор любила всех своих детей, пусть и не с первого взгляда, если быть честной, но уж точно к тому времени, когда они начинали ходить, однако Тео она не просто любила. Она не чаяла в нем души. Когда Тео родился, Элеонор положила его, завернутого в одеяльце, на свою кровать, долго смотрела ему в глаза и видела там всю мудрость, с которой рождаются младенцы. Сын отвечал ей взглядом, как будто пытался рассказать о тайнах вселенной, маленький ротик то открывался, то закрывался, словно произнося слова, пока еще незнакомые или, возможно, уже забытые. Элеонор вспомнила, как умирал отец. Папа точно так же смотрел на нее бездонными глазами, а в них было все, что он не успел ей сказать.

– Миссис Эдевейн, фотограф хочет сделать снимок.

Элеонор мигнула. Ах да, репортер. Его блокнот напомнил об Элис. Где она? И если на то пошло, где Дебора и Клемми? Наверное, кто-нибудь приглядывает за девочками. Может, мистер Ллевелин? Тогда понятно, почему Элеонор не видела его все утро: видимо, он взялся помочь с детьми, чтобы они не попали в беду. В прошлом Элеонор сама часто его об этом просила.

– Секундочку, мистер и миссис Эдевейн. – Второй человек, грузный и покрасневшийся от жары, помахал рукой из-за штатива. – Посмотрите сюда, пожалуйста.

Хотя Элеонор привыкла фотографироваться – она ведь была маленькой девочкой из сказки, ее постоянно рисовали и фотографировали, – сейчас ей хотелось забиться в укромное место, закрыть глаза и ни с кем не разговаривать. Она так устала, ужасно устала.

– Милая, давай уже закончим, – прозвучал у ее уха тихий и ласковый голос Энтони. – Я держу тебя за руку.

– Здесь очень жарко, – прошептала Элеонор в ответ.

Шелковая блузка прилипла к спине, юбка на поясе собралась некрасивыми складками.

– Миссис Эдевейн, посмотрите сюда.

– Я не могу дышать, Энтони, мне нужно...

– Я рядом, милая. Я всегда буду с тобой.

– Внимание, снимаю!

Вспышка полыхнула белым светом, на миг ослепив Элеонор, и ей почудилось, что у стеклянных дверей маячит чей-то силуэт. Наверняка Элис, подумала Элеонор, тихо стоит и наблюдает.

– Элис? – позвала она, отчаянно моргая, чтобы вернуть зрению ясность. – Элис!

Вдруг со стороны озера донесся громкий мужской крик, репортер соскочил со стула и бросился к окну. Энтони встал, Элеонор тоже поднялась на внезапно ослабевшие ноги. Время, казалось, замерло, пока юнец-репортер не повернулся, покачивая головой. Его возбуждение явно сменилось разочарованием.

– Ложная тревога, – сказал он, доставая платок и вытирая лоб. – Всего лишь старый башмак. Тело не нашли.

У Элеонор едва не подломились колени. Она повернулась к дверям, но Элис там уже не было. Взгляд Элеонор упал на зеркало над камином, и она не узнала свое отражение. Тщательно выверенный образ благовоспитанной матери семейства исчез; возникла девчонка, которая когда-то давно жила в этом доме, естественная, открытая и необузданная.

– Все, хватит! – неожиданно резко произнес Энтони. Ее любимый. Спаситель. – Сжалось, молодой человек, моей жене плохо, пропал ее ребенок. Интервью закончено.

Элеонор словно плыла в воздухе.

– Уверяю, мистер Эдевейн, это очень эффективные барбитураты. Одной дозы достаточно, чтобы ваша супруга проспала до вечера.

– Спасибо, доктор. Она вне себя от горя.

– Неудивительно. Ужасное происшествие, просто ужасное, – ответил голос доктора.

– Они уверены, что найдут его?

– Нужно не терять надежды и верить, что полицейские сделают все, что в их силах.

Рука мужа, теплая и уверенная, коснулась лба Элеонор, погладила по волосам. Элеонор хотела было что-то сказать, но язык не слушался.

– Тише, любимая. Поспи, – успокоил ее муж.

Его голос словно окружал ее, раздавался со всех сторон одновременно, как голос Бога. Тело Элеонор отяжелело и медленно стало падать сквозь облака. Она падала все глубже и глубже, через все слои своей жизни. Туда, где она еще не стала матерью, не вернулась в Лоэннет, не встретила Энтони и не потеряла отца, в то долгое, безграничное время своего детства. Элеонор смутно чувствовала, что потеряла нечто очень важное, но сознание туманилось, она не могла сосредоточиться. Мысль ускользала от нее, как тигр, желто-черный тигр, который уносился прочь по длинной полосе луга. Луга в поместье Лоэннет. Вдали темнел густой лес, и Элеонор протянула руки, чтобы погладить верхушки травы.

Когда Элеонор была маленькой, у нее в комнате был тигр. Его звали Зефир, и он жил под кроватью. Папин папа, Хорас, поймал его в Африке еще в добрые старые времена. Элеонор слышала о тех временах; отец рассказывал, что когда-то поместье было огромным, семья Дешиль жила в роскошном доме с двадцатью восемью спальнями и каретным сараем, в котором держали не тыквы, а настоящие кареты, украшенные позолотой. Увы, сохранился лишь обгоревший остов дома, и тот слишком далеко, из Лоэннета не увидишь. Впрочем, историю о тигре и жемчужине рассказал мистер Ллевелин.

В детстве Элеонор искренне верила в эту сказку. В то, что вместе с Зефиром из Африки привезли жемчужину: тигр проглотил ее, она застряла у него между зубами и оставалась там, когда его застрелили и сняли шкуру, которую отправили на корабле в Британию, где эта шкура долгое время служила украшением большого особняка, а потом попала в гораздо более скромный дом. Однажды безжизненную голову тигра тряхнули так сильно, что жемчужина выкатилась из пасти и затерялась в длинном ворсе ковра в библиотеке. На нее наступали, и лежала она, почти забытая, пока однажды темной ночью, когда все в доме спали, ее не нашли эльфы, которые искали, чем бы поживиться. Они отнесли жемчужину далеко в лес, уложили на постельку из листьев и принялись рассматривать, изучать и гладить, но не уберегли, и драгоценность украли птица, принявшая ее за яйцо.

Высоко в кронах деревьев жемчужина начала расти, и все росла и росла, пока птица не испугалась, что серебристый шар передавит ее собственные яйца, и не выкатил его из гнезда. Жемчужина упала на землю рядом со стволом прямо на сухие листья, где ее окружили любопытные эльфы. Светила полная луна, жемчужина треснула, и появилась маленькая девочка. Эльфы собирали для нее нектар, по очереди убаюкивали, но вскоре поняли, что нектара не хватает и даже магия не помогает растить младенца сытым и довольным. Тогда они решили,

что лес не место для человеческого дитяти и спеленатую листьями девочку нужно отнести к дому и положить у порога.

По мнению Элеонор, это объясняло все: ее страстную любовь к лесу, почему она замечает на лугу фей, а другие люди видят только траву, почему, когда она была маленькая, птицы прилетали на карниз над окном детской. И конечно, это объясняло свирепую тигриную ярость, которая порой переполняла Элеонор, заставляя плевать, кричать и топтать ногами; и тогда няня Бруен сердито шипела, что ничего путного из девчонки не выйдет, если только она не научится держать себя в руках. Зато мистер Ллевелин сказал, что в жизни встречаются вещи похуже горячего нрава, а вспыльчивость показывает, что у человека есть собственное мнение. И жажда жизни, добавил он, альтернатива которой – мертвенность! Еще он сказал, что такая девушка, как Элеонор, не даст разгореться углям своей дерзости, иначе общество найдет способ их остудить.

Элеонор доверяла словам мистера Ллевелина. Он был не такой, как другие взрослые.

Она никому не рассказывала историю своего появления. В отличие от «Волшебной двери Элеонор», которая стала известной детской книжкой, сказка «Тигр и жемчужина» принадлежала только ей. Однажды, когда Элеонор было восемь лет, в поместье вместе с родителями приехала ее двоюродная сестра Беатрис. Это случилось нечасто. Констанс, мать Элеонор, не слишком ладила со своей сестрой Верой. Между ними было одиннадцать месяцев разницы, и сестры постоянно соревновались между собой, превратив всю свою жизнь в арену сражений, где достижения одной немедленно вызвали ответные действия со стороны другой. Брак Констанс с Генри Дешилем, вначале выглядевший триумфом, оказался не таким уж блестящим, когда младшая сестра вышла за новоиспеченного шотландского графа, сколотившего огромное состояние в Африке. После этого сестры не разговаривали пять лет, но сейчас, похоже, заключили шаткое перемирие.

Как-то дождливым днем девочек отослали в детскую, где Элеонор пыталась читать «Королеву фей» Эдмунда Спенсера⁷ (эту книгу очень любил мистер Ллевелин, и Элеонор хотела произвести на него впечатление), а Беатрис заканчивала вышивать гобелен, Элеонор полностью погрузилась в свои мысли, как вдруг пронзительный крик сбил ее с ритма. Беатрис стояла, вытянувшись в струнку, и показывала куда-то под кровать; покрытое красными пятнами лицо кузины блестело от слез.

– Чудовище... моя иголка... я уронила... а там... увидела... чудовище!

Элеонор сразу поняла, в чем дело, и вытащила Зефира из-под кровати, объяснив, что тигр – сокровище, которое она прячет от гнева матери. Беатрис еще долго всхлипывала и шмыгала носом, а глаза у нее так покраснели, что Элеонор стало ее жалко. В окно барабанил дождь, за окном было холодно и сыро... В общем, самое подходящее время для сказочных историй. Элеонор усадила кузину рядом с собой на кровать и поведала о жемчужине и о своем необычном появлении в поместье. Когда она закончила повествование, Беатрис рассмеялась и сказала, что история забавная, а Элеонор – отличная рассказчица, но разве она не знает, что появилась из маминого живота? Теперь рассмеялась Элеонор. Беатрис была пухленькой, довольно заурядной девочкой с пристрастием к лентам и кружевам и не имела склонности к сочинительству. Уму непостижимо, что она придумала такую потрясающую историю! Из маминого живота, надо же! Мама Элеонор, высокая и стройная, каждое утро втискивалась в платья, которые сидели на ней без единой морщинки и уж точно не растягивались. Невозможно представить, что у нее внутри могло что-то расти. Ни жемчужина, ни тем более Элеонор.

---

⁷ Эдмунд Спенсер (ок. 1552–1599) – английский поэт, наряду с У. Шекспиром и Дж. Мильтоном признан одним из величайших англоязычных стихотворцев; его аллегорическая рыцарская поэма «Королева фей» осталась незаконченной.

После этой истории Элеонор прониклась симпатией к Беатрис, и девочки, несмотря на все различия, подружились. У Элеонор почти не было друзей, только отец и мистер Ллевелин, и она наслаждалась общением со сверстницей. Элеонор показала кухне свои любимые места: форелевый ручей в лесу, излучину, где ручей вдруг становился глубже, самое высокое дерево, с вершины которого, если туда забраться, можно разглядеть вдали обугленный остов большого дома. Она даже устроила Беатрис экскурсию по старому лодочному сараю, своему излюбленному месту игр и забав. Ей казалось, что визит родственников удался, но однажды ночью, когда они обе уже лежали в кроватках, кузина заявила: «Тебе, должно быть, очень одиноко в этой глуши, где и заняться-то нечем». Элеонор поразила абсолютная неправильность ее слов. С чего это Беатрис взяла, что в поместье нечего делать? Да тут уйма развлечений! Похоже, пора познакомить кузину с самой любимой и секретной игрой, решила Элеонор.

На следующее утро она затемно разбудила Беатрис, жестом велела не шуметь и повела кузину к озеру, где буйно разрослись деревья, а в сумрачной глубине воды скользили угри. Там Элеонор познакомила Беатрис с «Бесконечными приключениями дедушки Хораса». Дневники этого великого человека, перевязанные желтой лентой, хранились наверху в библиотеке. Предполагалось, что Элеонор не знает об их существовании, но она всегда оказывалась там, куда ей запрещали ходить, или слышала то, что не должна была слышать, и потому изучила дневники от корки до корки. Элеонор разыграла перед Беатрис сцены из реальных дедушкиных приключений, вроде путешествий по Африке и Перу или похода через льды на севере Канады, а еще из тех, что выдумала сама. Под конец шел гвоздь программы: в назидательных целях она при помощи Зефира показала ужасную смерть пожилого человека, инсценируя подробности из письма, адресованного «всем заинтересованным лицам», которое ныне покоилось за обложкой последнего, незаконченного дневника. Беатрис следила за представлением, широко раскрыв глаза, а потом захлопала в ладоши, рассмеялась и восторженно воскликнула:

– Неудивительно, что твоя мама называет тебя маленькой дикаркой!

– Правда? – Элеонор зажмурилась от удивления и неожиданности, хотя сравнение ей понравилось.

– Она сказала маме, что не представляет, как ты вступишь в лондонскую жизнь.

– В лондонскую жизнь? – Элеонор сморщила нос. – Не поеду я ни в какой Лондон!

Она слышала название «Лондон». Когда родители ссорились, это слово разило как меч. «Я чахну в твоём богом забытом захолустье! – повторяла мать. – Я хочу в Лондон. Я знаю, Генри, тебя это пугает, но мое место там. Я должна бывать в хорошем обществе. Не забывай, что меня однажды приглашали ко двору!»

Элеонор слышала эту историю тысячу раз и не придавала ей особого значения. Насколько она знала, папа ничего не боялся, и потому представляла Лондон пристанищем зла и беззакония. Как-то Элеонор спросила отца, и он ответил:

– Это большой город, полный автомобилей, omnibuses и людей.

Элеонор уловила за его ответом невысказанную тень.

– И соблазнов?

Отец быстро поднял голову, испытующе взглянул в ее глаза:

– Где ты такое услышала?

Элеонор простодушно пожалала плечами. Это слово сорвалось с губ отца, когда они с мистером Ллевелином разговаривали за лодочным сараем, а она, Элеонор, собирала дикую землянику у ручья.

– Да, для некоторых, – вздохнул отец. – Место соблазнов.

Он выглядел таким печальным, что Элеонор положила свою маленькую ладошку на его руку и горячо пообещала:

– Я никогда туда не уеду. Я не покину Лоэннет.

То же самое она заявила кухне Беатрис, однако кухня лишь сочувственно улыбнулась, почти как тогда отец:

– Конечно уедешь, глупышка. Как же ты здесь найдешь себе мужа?

Элеонор не хотела уезжать в Лондон и не хотела выходить замуж, но в 1911 году, когда ей исполнилось шестнадцать, сделала и то и другое. Все произошло само собой. Отец умер, поместье Лозннет попало в руки агента по торговле недвижимостью, а мать увезла ее в Лондон, чтобы подыскать выгодную партию. От злости и бессилия Элеонор дала себе слово, что никогда не влюбится. Они с мамой остановились у тети Веры в большом доме на периферии Мейфэра. Констанс и Вера решили, что их дочери вместе примут участие в светском сезоне, и, как и следовало ожидать, соперничество между сестрами вспыхнуло с новой силой, только теперь на поле брачных перспектив.

В один прекрасный вечер в конце июня в спальне на третьем этаже лондонского особняка горничная с бисеринками пота на лбу затягивала корсет на своей упрямой подопечной и говорила:

– Стойте спокойно, мисс Элеонор! Я не смогу сделать вашу грудь больше, если вы не будете стоять смирно!

Никто из горничных не любил одевать Элеонор, она знала это совершенно точно. В библиотеке был укромный уголок с вентиляционным отверстием в стене, которое выходило в кладовку, где горничные прятались от дворецкого. Элеонор подслушала их разговор, когда сама пряталась от матери. Из кладовки доносился слабый запах сигаретного дыма и обрывки фраз: «Никогда не постой спокойно...», «А пятна на ее одежде!», «Приложи она чуточку старания...», «Если бы она хотя бы попыталась...», «Но эта ее грива!».

Элеонор уставилась на свое отражение в зеркале. Волосы у нее действительно непокорные, масса темно-каштановых кудрей, которые противятся любой попытке их укротить. Растрепанная прическа, тощие руки и ноги, еще и привычка смотреть в упор широко раскрытыми глазами... Да, кокеткой ее не назовешь. А что касается характера... Характер тоже с изъяном. Няня Бруен любила цокать языком и громко сетовать на тех, кто, «жалая розги, портит ребенка», и на «потакание дурным наклонностям, из-за чего девочка расстраивает мать и, что еще хуже, Бога!» Чувства Бога остались тайной, а вот мамино недовольство легко читалось на ее лице.

Помяни черта, он тут как тут: в дверях спальни появилась Констанс Дешиль, одетая в лучшее платье, волосы (аккуратные, светлые, гладкие) уложены на макушке в затейливую прическу, на шее сверкают драгоценности. Элеонор скривилась. Деньги, вырученные от продажи этих драгоценностей, могли бы спасти Лозннет. Мать жестом велела горничной отойти и сама зашнуровала корсет дочери. Затянув шнурки так сильно, что Элеонор ойкнула, Констанс с ходу принялась перечислять достойных, на ее взгляд, молодых людей, которые сегодня вечером будут на балу у Ротшильдов. Элеонор не верила своим ушам. Неужели это та самая женщина, которая категорически отказывалась отвечать на вопросы отца о дорогих покупках, легкомысленно заявляя: «Ты же знаешь, я не запоминаю подробности»? В своем исчерпывающем описании мать не упустила ни одной мелочи, касающейся потенциальных женихов.

Наверняка на свете существовали матери и дочери, которым подобное занятие доставило бы удовольствие, но Констанс и Элеонор были не из их числа. Для Элеонор мать оставалась чужой, холодной и отстраненной особой, которая никогда ее не любила. Элеонор так и не поняла почему (слуги в Лозннете шептались, что хозяйка всегда хотела сына), но не сильно горевала по этому поводу. Неприязнь была обоюдной. Сегодня в рвении Констанс ощущалась некая маниакальная нотка. Кухину Беатрис, которая с возрастом приобрела пышные формы и

нездоровое пристрастие к любовным романам Элинор Глин⁸, упомянули в последнем номере «Придворного циркуляра»⁹, и неожиданно соревнование между сестрами вышло на новый уровень.

– ...старший сын виконта, – говорила Констанс. – Его дед нажил состояние на какой-то сделке с Ост-Индской торговой компанией... сказочно богат... акции и облигации... американские интересы...

Все эти слова, наряды, ожидания были оковами, из которых Элеонор мечтала вырваться. Она не любила лондонский мир лепнины и вымощенных дорог, утренних примерок в ателье мадам Люсиль на Ганновер-сквер и послеобеденных экипажей, развозящих приглашения на очередной чай с болтовней в придачу. Элеонор нисколько не интересовали советы журнала «Леди», как управлять прислугой, украшать дом и избавляться от лишних волос в носу.

Рука невольно потянулась к цепочке на шее, вернее, к подвеске, спрятанной под одеждой, – нет, не к медальону, а к оправленному в серебро тигровому клыку, подарку отца. Поглаживая знакомые гладкие грани, Элеонор позволила взгляду затуманиться, и отражение в зеркале расплылось. Голос матери превратился в слабое жужжание, комната в лондонском особняке исчезла, и Элеонор оказалась дома, в Лоэннете. Они с отцом и мистером Ллевелином сидели на берегу ручья, и все в мире было хорошо.

Вечером Элеонор стояла в углу бального зала и наблюдала, как мать, звеня драгоценностями, кружится в танце. По мнению дочери, Констанс выглядела нелепо: с пухлыми накрашенными губами и вздымающейся грудью, она вальсировала, меняя одного раскрасневшегося партнера за другим, и весело смеялась. «Ну почему мама не может вести себя как остальные добропорядочные вдовы?» – думала Элеонор. Сидела бы у стены, любовалась гирляндами из лилий и втайне мечтала бы попасть домой, где ждет горячая ванна, расправленная постель и грелка. Очередной партнер Констанс что-то сказал ей на ухо, она прижала руку к декольте, и у Элеонор вдруг всколыхнулись воспоминания: перешептывания слуг, когда она была маленькой, тихие шаги в коридоре на рассвете, странные мужчины, которые без обуви, в одних носках, пробирались в свои комнаты... Лицо Элеонор застыло, ее охватила жгучая тигриная ярость. Нет греха хуже измены; самое страшное, что может сделать человек, – это нарушить клятву.

– Элеонор, смотри!

Рядом стояла Беатрис и тяжело дышала. От малейшего волнения у нее начиналась одышка. Элеонор проследила за взглядом кузины и увидела, что в мерцании свечей приближается бойкий молодой человек с прыщами на подбородке. Элеонор ощутила нечто вроде безысходности. И это любовь? Надеть лучший наряд, нарисовать на лице маску, станцевать заученный танец, вести беседу, используя заранее подготовленные вопросы и ответы?

– Ну конечно! – воскликнула Беатрис, когда Элеонор высказала свои мысли вслух.

– Должно же быть нечто большее, разве нет?

– Ох, Элеонор, ты такая наивная! Знаешь, жизнь не похожа на сказку. Все это хорошо в книгах, но волшебства не существует.

После скоропалительного переезда в Лондон Элеонор много раз жалела, что рядом нет мистера Ллевелина. Она хранила все полученные письма и сберегала копии отправленных в специальных книгах для третьих экземпляров, однако письменное общение не способно заменить разговор по душам с близким человеком. Кажется, все бы отдала, лишь бы ее понимали! Ведь дело не в волшебстве, она имела в виду простую истину. Любовь – это свершившийся факт, нечто само собой разумеющееся, а не взаимовыгодное соглашение между двумя людьми,

---

⁸ Элинор Глин (1864–1943) – английская писательница, автор эротических романов, сценарист, продюсер, режиссер.

⁹ «Придворный циркуляр» – ежедневный бюллетень об участии членов королевской семьи в официальных мероприятиях.

соответствующее определенным требованиям. Эти слова вертелись у Элеонор на языке, когда Беатрис пропела сквозь сжатые в самой очаровательной улыбке зубы:

– А теперь, дорогая, сделай веселое лицо, и посмотрим, обратят ли на нас внимание!

Элеонор сникла. Бездна. Ее не интересовало внимание изнеженных мужчин, которые ведут никчемную жизнь ради своего удовольствия. Как-то раз отец сказал, что бедняк, может, и претерпевает нужду, зато богач вынужден мириться с собственной бесполезностью, и ничто так не разъедает душу, как безделье. Улучив минуту, когда Беатрис отвлеклась, Элеонор проскользнула сквозь толпу к выходу.

Она поднималась по лестнице, не зная, куда и зачем идет, радуясь, что музыка за спиной становится все тише. У Элеонор вошло в привычку как можно раньше сбежать из балного зала, а потом исследовать дом, где устраивали бал. Это прекрасно у нее получалось: в детстве она вместе с духом дедушки Хораса частенько бродила по лесам Лоэннета, незаметная для посторонних глаз. Элеонор дошла до лестничной площадки, увидела приоткрытую дверь и решила, что можно начать прямо отсюда.

В окно ртутью лился лунный свет, и Элеонор разглядела, что попала в какой-то кабинет. На дальней стене висели книжные полки, на ковре посреди комнаты стоял большой письменный стол. Элеонор подошла поближе, села за стол. Возможно, из-за запаха кожи или потому, что ее не покидала мысль об отце, Элеонор представила кабинет в Лоэннете, где часто видела отца незадолго до смерти, когда тот сидел, склонив голову, над листком с цифрами и пытался разобраться с семейными долгами. В последние месяцы жизни он утратил силы и уже не мог, как прежде, бродить с Элеонор по лугам и лесам. Элеонор решила приносить отцу дорогую его сердцу природу и каждое утро собирала всякие разности, показывала ему и рассказывала обо всем, что видела, слышала или чувствовала. Однажды, когда она весело болтала о меняющейся погоде, папа жестом велел ей замолчать. Он сказал, что разговаривал со своим поверенным. «Моя милая девочка, я больше не богат, но наше поместье в безопасности. Я принял кое-какие меры, чтобы Лоэннет нельзя было продать. У тебя всегда будет свой дом». Впрочем, со временем документы исчезли, а мать утверждала, что ничего не знает об их существовании. «Под конец он говорил много чепухи», – сказала она.

Оглянувшись на закрытую дверь, Элеонор включила настольную лампу. На поверхности стола возник широкий треугольник яркого света. Барабаня пальцами по дереву, Элеонор разглядывала письменные принадлежности. Подставка для ручек из резной слоновой кости, пресс-папье, толстая тетрадь в коленкоровом переплете. Еще на столе лежала открытая газета, и Элеонор принялась лениво перелистывать страницы. Позже все события того дня сложатся в пронизанную благоговением сагу «Как они встретились» и обретут черты неизбежности. А тогда Элеонор просто спасалась от скучного и предсказуемого бала внизу. В глаза бросился заголовок «В Лондонский зоопарк привезли пару дальневосточных тигров», и она даже не заметила, как открылась дверь. Клык Зефира вдруг потеплел, и Элеонор поняла, что должна увидеть этих тигров.

Глава 8

Лондон, июнь 1911 г.

Через два дня Элеонор представилась такая возможность. Родственники собрались посетить Фестиваль Британской империи, и все в доме Веры пребывали в радостном оживлении.

– Представляете, настоящие дикари из Африки! – воскликнула Беатрис за рюмочкой хереса вечером накануне.

– И летательный аппарат! – вторила Вера. – А еще живые картины!

– Да, триумф мистера Ласселса, – согласилась Констанс и с надеждой добавила: – Интересно, а сам он там будет? Я слышала, он большой друг короля.

Хрустальный дворец¹⁰ сиял в солнечных лучах, когда «даймлер» остановился у входа. Матери Элеонор, тете и кузине Беатрис помогли выйти из машины, за ними последовала сама Элеонор, которая задрала голову, любуясь великолепным строением из стекла. Оно оказалось точно таким, как про него рассказывали, красивым и впечатляющим, и щеки Элеонор вспыхнули от предвкушения. Впрочем, перспектива провести весь день, любуясь сокровищами Империи, ее не прельщала, у Элеонор был свой план.

Компания направилась в секцию, посвященную Британии, провела там добрых полчаса, согласившись, что все экспонаты превосходны, а затем перешла к экзотическим чудесам из колоний. В зале цветоводства родственники восхитились роскошными цветами, у бивака кадетских корпусов из доминионов оценили атлетические фигуры курсантов, потом посмотрели живые картины, раскритиковав их в пух и прах. Элеонор плелась сзади и с умным видом кивала, когда к ней обращались. Наконец, когда они подошли к Средневековому лабиринту, Элеонор улыбнулась удача. В лабиринте толпился народ, и Элеонор без труда отделилась от компании. Просто свернула налево, пока остальные поворачивали направо, вернулась и вышла там, откуда они зашли.

Опустив голову из боязни столкнуться с кем-либо из маминых знакомых, она торопливо шагала мимо Имперской спортивной арены к павильону сельского хозяйства и не останавливалась до тех пор, пока не дошла до выхода к железнодорожной станции. Там настроение Элеонор сразу улучшилось. Она вытащила карту, позаимствованную в кабинете дяди Вернона, и еще раз сверилась с маршрутом, который загодя составила в ванной. Согласно ее плану, сейчас всего-то нужно дождаться на Норвуд-роуд трамвая номер семьдесят восемь и доехать на нем до вокзала Виктория. Оттуда остаток пути можно проделать пешком: пересечь Гайд-парк, пройти через Мэрилебон-стрит, и вот он, Риджентс-парк. Лучше держаться парков, решила Элеонор. Улицы Лондона походили на ревущие реки, стремительно несущиеся через город, и движение на них было такое ужасное и быстрое, что иногда она почти чувствовала, как ее сбивает с ног.

Впрочем, сегодня Элеонор было не до страха. С прыгающим от предвкушения сердцем она спешила по тротуару к трамвайной остановке, радуясь, что скоро увидит тигров, а еще больше тому, что впервые за несколько недель осталась одна. Тяжело покачиваясь, подъехал семьдесят восьмой трамвай. Элеонор остановила его взмахом руки, заплатила за проезд монетами, тоже позаимствованными в кабинете дяди Вернона, и вот так запросто отправилась навстречу мечте. Она чувствовала себя взрослой и бесстрашной, искательницей приключений, готовой преодолеть любые препятствия. Оборванные, казалось бы, связи с детством, жизнью в Лоэннете и собой прежней снова окрепли, девушка наслаждалась радостным трепетом, какой она испытывала, когда играла в приключения дедушки Хораса. Пока трамвай проезжал по Воксхолльскому мосту, а потом катил по рельсам через Белгравию, Элеонор незаметно гладила под блузкой подвеску из тигрового клыка.

---

¹⁰ *Хрустальный дворец* – выставочный павильон в Лондоне, построенный ко Всемирной выставке 1851 года.

У вокзала Виктория царила суета, люди спешили во всех направлениях – море цилиндров, тростей и шуршащих юбок. Элеонор сошла с трамвая, торопливо проскользнула сквозь толпу и очутилась на улице, запруженной конными экипажами и каретами, развозившими приглашенных на приемы с чаем. Она едва не запрыгала от радости, что не сидит в одной из карет.

Помедлив пару секунд, чтобы собраться с духом, Элеонор пошла по Гросвенор-плейс. Она двигалась быстро и вскоре запыхалась. В Лондоне смешалась вонь навоза и выхлопных газов, старого и нового, и Элеонор обрадовалась, когда свернула в Гайд-парк и вдохнула аромат роз. По аллее Роттен-роу няни в накрахмаленных форменных платьях торжественно катили детские коляски, на газонах виднелись зеленые шезлонги, в которых можно было отдохнуть за шесть пенсов. Пруд Серпентайн пестрел лодками, похожими на больших уток.

– Покупайте сувениры! – кричал уличный торговец с лотком, полным флажков в честь коронации и открыток с изображением огромной новой статуи, которая стояла перед Букингемским дворцом, символизируя мир. («Мир? – фыркал дядя Вернон всякий раз, когда карета проезжала мимо внушительного беломраморного монумента, выделяющегося на фоне темных каменных стен дворца. – Да нам повезет, если хотя бы одно десятилетие обойдется без войны!» После этих слов на лице дяди появлялось самодовольное выражение: больше всего на свете он любил предрекать что-нибудь плохое. «Папа, не будь таким ворчун! – выговаривала ему Беатрис, но тут же отвлекалась на проезжающий экипаж. – Ой, смотрите! Это же карета Мэннерсов, да? Вы слышали, что недавно устроила леди Диана? Нарядилась черным лебедем на благотворительный бал, где все должны были быть в белом! Представляете, как разозлилась леди Шеффилд?»)

Увидев табличку с названием «Бейкер-стрит», Элеонор снова вспомнила дядю Вернона. Тот считал себя в некотором роде сыщиком, и ему нравилось ломать голову над делами Шерлока Холмса. Элеонор взяла из дядиного кабинета парочку детективов, но поклонницей жанра так и не стала. Самонадеянность рационализма шла вразрез с ее любимыми сказками. Даже сейчас, подумав о самоуверенном заявлении Шерлока Холмса, что любую загадку можно решить методом дедукции, Элеонор разозлилась. Разозлилась до такой степени, что, подходя к Риджентс-парку, совсем забыла о моторизованной реке, которую предстояло пересечь. Не глядя, она шагнула на дорогу и не замечала омнибус, пока чуть не оказалась под его колесами. Видя, как на нее несется огромная реклама чая «Липтон», Элеонор поняла, что сейчас погибнет. В голове мелькнула мысль: они с отцом снова будут вместе и не надо больше печалиться о потере Лоэннета, но как жаль, что она не посмотрела тигров!.. Элеонор зажмурилась, ожидая, что на нее обрушится боль, а потом забвение.

Неожиданно у нее перехватило дыхание – какая-то сила схватила ее за талию, а потом швырнула на землю. Смерть оказалась совсем не такой, какой ее представляла Элеонор. Вокруг клубились звуки, в ушах звенело, голова кружилась. Элеонор открыла глаза и увидела очень близко самое прекрасное лицо из всех, какие только можно представить. Хотя Элеонор никому в этом не призналась, но и много лет спустя она с улыбкой вспоминала, как в тот миг подумала, что видит лицо Бога.

Но это был не Бог, а всего лишь юноша, молодой человек ненамного старше ее самой, с песочно-каштановыми волосами. Он сидел на земле рядом с ней и одной рукой придерживал ее за плечи. Губы у него двигались, однако Элеонор не разобрала ни слова. Юноша внимательно посмотрел ей в один глаз, потом в другой. Наконец он улыбнулся, хотя шум стоял несусветный – вокруг них собралась толпа, – а Элеонор подумала, какой красивый у него рот, и потеряла сознание.

Его звали Энтони Эдевейн, и он учился в Кембридже на врача, точнее, на хирурга. Элеонор узнала об этом в буфете на станции метро «Бейкер-стрит», куда молодой человек привел ее после происшествия с омнибусом и угостил лимонадом. Там его ждал друг, юноша с чер-

ными кудрявыми волосами и в очках. Элеонор с первого взгляда определила, что он из тех молодых людей, которые всегда выглядят так, будто одевались второпях, и волосы у них вечно взъерошены. Он ей сразу понравился: Элеонор почувствовала в нем родственную душу.

– Говард Манн, – кивнул Энтони на растрепанного юношу. – А это Элеонор Дешиль.

– Рад встрече, Элеонор, – сказал Говард, взяв ее за руку. – Какой замечательный сюрприз! Откуда вы знаете моего друга?

– Он только что спас мне жизнь.

Элеонор словно со стороны услышала свой голос и подумала, как, должно быть, неправдоподобно это звучит.

Однако Говард и глазом не моргнул.

– Правда? Неудивительно. Вполне в его духе. Не будь он моим лучшим другом, я бы его ненавидел.

Этот шуточный разговор с двумя посторонними мужчинами в станционном буфете мог бы показаться странным и неловким, однако спасение от неминуемой гибели в некотором роде снимает привычные строгие правила. Беседа шла легко и свободно, и с каждой фразой оба молодых человека все больше нравились Элеонор. Энтони и Говард подшучивали друг над другом, но так благожелательно и располагающе, что она тоже включилась в разговор. Вскоре Элеонор уже высказывала вслух свое мнение, смеялась, кивала, а иногда не соглашалась с такой запальчивостью, что Констанс пришла бы в ужас.

Они втроем обсудили науку и природу, политику и порядочность, семью и дружбу. Элеонор выяснила, что больше всего на свете Энтони хотел стать хирургом, мечтал об этом с самого детства: его любимая горничная умерла от аппендицита, поскольку поблизости не оказалось квалифицированного врача. Говард был единственным сыном чрезвычайно богатого графа, который с четвертой женой проводил время на Французской Ривьере, посылая деньги на содержание сына в фонд, которым руководил управляющий из лондонского банка «Ллойдс». Молодые люди познакомились в первый школьный день, когда Энтони одолжил Говарду свою запасную форму, чтобы тому не попало от воспитателя, и с тех пор почти не разлучались.

– Мы скорее братья, – пояснил Энтони, тепло улыбнувшись Говарду.

Время летело незаметно, пока во время паузы Говард не сказал Элеонор, слегка нахмурившись:

– Не хочу показаться некомпанейским, но, боюсь, вас уже потеряли.

Элеонор посмотрела на отцовские часы, которые, к неудовольствию матери, носила со дня папиной смерти, и с ужасом поняла, что прошло уже три часа, как она сбежала в лабиринте от родственников. Перед мысленным взором предстал образ разгневанной матери.

– Вполне возможно, – мрачно заметила она.

– Тогда мы отвезем вас домой. Как ты считаешь, Энтони?

– Да, конечно, – пробормотал Энтони, хмуро посмотрел на собственные часы и постучал по циферблату, как будто сомневаясь, что они показывают правильное время. Элеонор показалось, что она услышала в его голосе нотки огорчения. – Страшно эгоистично задерживать вас своей болтовней, когда вам надо бы отдохнуть.

Внезапно Элеонор отчаянно захотелось остаться с ними. С ним. И она принялась возражать: такой чудесный день, она себя прекрасно чувствует и не собирается идти домой, и вообще, она проделала весь этот путь, почти дошла до зоопарка, а тигров так и не увидела! Энтони говорил о ее голове, сотрясении при ударе, но Элеонор настаивала, что чувствует себя прекрасно. Немного кружится голова, особенно если попытаться встать, однако это вполне ожидаемо: в кафе очень жарко, а она ничего не ела и... ой! Ничего, сейчас она немного посидит, отдышится и подождет, пока в глазах прояснится.

Энтони настаивал, Элеонор упрямылась, и все решил Говард. С извиняющейся улыбкой он взял ее за руку, а его друг пошел оплачивать счет.

Элеонор смотрела вслед Энтони. Какой он умный, добрый и явно радуется жизни во всех ее проявлениях! А еще он красивый. Густые песочно-каштановые волосы и загорелая кожа, взгляд, горящий от любопытства и страсти к учению. Возможно, что-то случилось с ее зрением, после того как она чуть не погибла, подумала Элеонор, но, кажется, от Энтони исходит сияние. Энергичный и целеустремленный, он выглядит более живым, чем все люди в зале.

– Правда, он особенный? – спросил Говард.

Элеонор покраснела. Она не думала, что ее восхищение бросается в глаза.

– Он был самым умным в классе и получил больше всех наград по итогам обучения в школе. Сам он об этом никогда не расскажет, потому что до неприличия скромн.

– Неужели? – Элеонор притворилась, что интересуется только из вежливости.

– Он собирается открыть хирургическое отделение для неимущих, когда получит диплом хирурга. Трудно представить, сколько детей обходятся без жизненно необходимых операций из-за нехватки денег.

Молодые люди отвезли Элеонор в Мейфэр на серебристом «роллс-ройсе» Говарда. Дверь открыл дворецкий, но Беатрис, которая из окна своей комнаты увидела, как они подъезжают, сбежала по ступенькам вслед за ним.

– О господи, Элеонор! – взволнованно выдохнула она. – Твоя мама вне себя от ярости! – Заметив Энтони и Говарда, Беатрис тут же взяла себя в руки и кокетливо взмахнула ресницами: – Здравствуйте.

– Беатрис, позволь представить Говарда Манна и Энтони Эдевейна, – с улыбкой произнесла Элеонор. – Мистер Эдевейн спас мне жизнь.

– Ну, тогда вы должны остаться на чай, – не моргнув глазом сказала Беатрис.

Историю спасения рассказали за чаем и лимонным кексом. Констанс сидела, подняв брови и поджав губы. Ее переполняли незадаанные вопросы, вроде того, как Элеонор вообще оказалась на Мэрилебон-стрит, но Констанс сохранила самообладание и лишь сдержанно поблагодарила Энтони.

– Эдевейн? – спросила она с надеждой. – Вы, случайно, не сын лорда Эдевейна?

– Он самый, – весело ответил Энтони, взяв второй кусок кекса. – Младший из трех.

Улыбка Констанс исчезла. (Позже слышали, как она высказывает Вере: «Третий сын?! Третий сын не должен болтаться по улицам, спасая впечатлительных девиц! Ради всего святого, ему полагается работать в министерстве!»)

Зато для Элеонор сразу все прояснилось. Его легкий, добродушный характер, непостижимое, почти королевское достоинство, с которым он держался, то, как они встретились. Оказывается, он третий сын!

– Вам предназначено стать героем волшебной истории, – сказала она.

– Ну, не знаю, – рассмеялся Энтони, – хотя считаю, что мне повезло родиться третьим.

– Неужели? – Голос Констанс на несколько градусов понизил температуру в комнате. – Умоляю, скажите почему?

– У отца уже есть основной и запасной наследники, и я могу делать то, что мне хочется.

– Чего же вам хочется, мистер Эдевейн?

– Я собираюсь стать врачом.

Элеонор принялась было объяснять, что Энтони учится на хирурга и намерен провести жизнь, помогая бедным, что его много раз награждали за успехи в учебе, однако Констанс, которую не интересовали подобные мелочи, оборвала дочь на полуслове:

– Человеку вашего круга не нужно зарабатывать себе на жизнь. Вряд ли ваш отец одобряет эти порывы.

Энтони пристально посмотрел на нее, и Элеонор показалось, что из комнаты исчезло оставшееся тепло. Воздух словно дрожал от напряжения. Раньше никто не перечил матери, и Элеонор затаила дыхание, ожидая, что скажет Энтони.

– Мой отец, миссис Дешиль, видел, подобно мне, что случается со скукающими богачами, которые никогда в жизни не работали. Я не собираюсь сидеть сложа руки и думать, как убить время. Я хочу помогать людям и приносить пользу. – Он повернулся к Элеонор, как будто, кроме них, в комнате никого не было. – А вы, мисс Дешиль? Чего вы хотите от жизни?

В тот миг что-то изменилось, и это крохотное смещение стало решающим. Энтони поражаз незаурядностью своей натуры, и Элеонор поняла, что их утренняя встреча была предопределена судьбой. Связь между ними казалась такой прочной, почти зримой. Элеонор хотелось так много рассказать Энтони, но вместе с тем она странным образом чувствовала, что не нужно ничего рассказывать. Она видела это в его глазах, читала в его взгляде. Энтони уже знал, чего она хочет от жизни. Что она не намерена становиться одной из тех, кто играет в бридж, сплетничает и ждет, когда кучер поможет выйти из кареты; ей нужно гораздо больше, столько всего, что не хватает слов, чтобы это высказать. И потому Элеонор просто сказала:

– Я хочу посмотреть на тигров.

Энтони рассмеялся, по его лицу разлилась блаженная улыбка. Он протянул Элеонор открытые ладони.

– Ну, это легко устроить. Сегодня отдохайте, а завтра я отведу вас в зоопарк. – Он повернулся к матери Элеонор и добавил: – Если вы не возражаете, миссис Дешиль.

Те, кто знал Констанс, поняли, что у нее масса возражений и ей очень хочется запретить этому самоуверенному юнцу – третьему сыну! – сопровождать ее дочь куда бы то ни было. Элеонор никогда не видела, чтобы мать испытывала к кому-либо столь сильную неприязнь. Впрочем, Констанс ничего не могла сделать. Энтони был из хорошей семьи, он спас жизнь ее дочери и предложил отвести Элеонор туда, куда она очень хотела попасть. Не желая показаться невежливой, Констанс с кислой улыбкой выдавила из себя невнятное разрешение. Чистой воды формальность. Все в комнате почувствовали, что расклад сил изменился: с той самой минуты matrimониальные планы Констанс относительно Элеонор больше ничего не значили.

После чая Элеонор проводила обоих юношей до двери.

– Надеюсь, мы еще увидимся, мисс Дешиль, – тепло произнес Говард и посмотрел на Энтони с понимающей улыбкой. – Пойду прогрею машину.

Оставшись одни, Элеонор и Энтони сразу же замолчали.

– Вот так, – сказал он.

– Вот так.

– Значит, завтра зоопарк?

– Да.

– Пообещайте, что до того времени не броситесь под автобус.

– Обещаю! – рассмеялась она, и он слегка нахмурился. – Что случилось? – спросила Элеонор, внезапно смутившись.

– Ничего. Просто мне нравятся ваши волосы.

– Вот это?

Она потрогала растрепанную после всех сегодняшних волнений гриву. Энтони улыбнулся, и в душе Элеонор что-то дрогнуло.

– Да. Очень нравятся.

Энтони попрощался. Когда Элеонор зашла в дом и закрыла за собой дверь, перед ней со всей очевидностью предстала простая истина: все изменилось.

Было бы неправильно утверждать, что в следующие две недели между Энтони и Элеонор возникла любовь; нет, они влюбились в первый же день. А после почти не расставались, во многом благодаря доброте Беатрис, которая оказалась на редкость нестрогой дуэньей. Они ходили в зоопарк, где Элеонор наконец увидела тигров, целыми днями бродили по Хэмпстеду, отыскивая укромные уголки среди зеленого вереска и обмениваясь секретами, исследовали Музей

естественной истории и Музей Виктории и Альберта, а еще восемь раз смотрели гастрольное выступление труппы русского Императорского балета. Элеонор ездила только на те балы, где бывал Энтони. Зато они часто гуляли вдоль Темзы, болтали и смеялись, словно знали друг друга всю жизнь.

В конце каникул, утром того дня, когда нужно было вернуться в Кембридж, Энтони сделал крюк, чтобы увидеть Элеонор. Не дожидаясь, пока они войдут в дом, он прямо на пороге выпалил:

– Я шел сюда с мыслью, что попрошу тебя дождаться меня. – Сердце Элеонор забилося чаще, но у нее перехватило дыхание, когда он добавил: – Потом я понял, что это неправильно.

– Да? Почему?

– Я не могу просить того, чего бы не сделал сам.

– Я могу подождать...

– А я нет, ни одного дня. Я не могу жить без тебя, Элеонор. Я должен спросить... Как ты думаешь... ты выйдешь за меня замуж?

Элеонор улыбнулась:

– Да, тысячу раз да! Конечно, я выйду за тебя замуж!

Энтони схватил ее в объятия и закружил, целуя, потом осторожно поставил на пол.

– Я всегда буду любить только тебя! – сказал он, убирая с ее лица выбившиеся пряди волос.

От прозвучавшей в его голосе уверенности у Элеонор по коже побежали мурашки. Небо – голубое, север находится напротив юга, а он, Энтони Эдевейн, будет любить только ее.

Элеонор тоже призналась ему в вечной любви, и Энтони улыбнулся, несколько не удивившись, как будто уже знал, что так оно и будет.

– Знаешь, я не богат и вряд ли когда-нибудь стану богачом.

– Мне все равно.

– Со мной ты никогда не будешь жить в таком доме. – Он показал на великолепный особняк тети Веры.

– Меня это не волнует! – негодуя воскликнула Элеонор.

– Или в поместье вроде того, где ты выросла. В Лозннете.

– Ну и ладно, обойдусь, – сказала она и впервые в это поверила. – Ты теперь мой дом.

В Кембридже они жили счастливо. Квартирка Энтони была маленькой, но чистой, а Элеонор сделала ее уютной. Энтони учился на последнем курсе и почти все вечера допоздна просиживал за учебниками, Элеонор рисовала и читала. Даже в манере Энтони хмуриться над книгой сквозили ум и добродушие, а еще он двигал руками, когда читал о лучших способах провести ту или иную операцию. У него были очень чуткие руки, осторожные и ловкие. «Энтони всегда умел работать руками, строить и чинить, – сказала его мать Элеонор, когда они впервые встретились. – В детстве он обожал разбирать часы моего мужа, нашу семейную реликвию. К счастью для нас – и для него! – он всегда собирал их, и они шли как новенькие».

Их семейная жизнь не отличалась изысканностью: они не посещали светские мероприятия, но приглашали родных и близких друзей на задушевные посиделки у себя дома. Порой к ужину приходил Говард, оставался до поздней ночи, и они втроем сидели за бутылкой вина, болтали, смеялись и спорили. Иногда приезжали родители Энтони, несколько озадаченные тем, в какой скромной обстановке живет их младший сын, но слишком вежливые, чтобы высказываться по этому поводу, однако самым частым гостем был мистер Ллевелин. Мудрый, с прекрасным чувством юмора, он по-отцовски любил Элеонор и вскоре стал закадычным другом Энтони. Они подружились еще сильнее, когда Энтони узнал, что до того, как прославиться благодаря своему литературному таланту, его старший товарищ тоже учился на врача, правда не на хирурга, а на врача общей практики. «Неужели вам никогда не хотелось вернуться к

медицине?» – часто спрашивал Энтони, не в силах понять, что может встать между человеком и его призванием. Мистер Ллевелин только улыбался и качал головой: «Я нашел занятие по душе. Оставляю медицину компетентным людям вроде вас, тем, чья кровь бурлит от желания помогать и исцелять». Закончив доклиническое обучение с отличными оценками и медалью университета, Энтони пригласил на выпускную церемонию родителей, Элеонор и мистера Ллевелина. Когда ректор выступил с напутственной речью о возмужании и долге – «Если человек не может принести пользу своей стране, ему лучше умереть!» – мистер Ллевелин тихонько шепнул на ухо Элеонор: «Забавный тип, напоминает твою мать», и Элеонор едва удержалась от смеха. Тем не менее глаза мистера Ллевелина сияли от гордости, когда он смотрел, как его юному другу вручают диплом.

Ни Энтони, ни Элеонор не лгали, говоря, что деньги их не интересуют, однако жизнь – штука коварная, и очень скоро они разбогатели. После девяти месяцев семейной жизни они стояли на причале в Саутгемптоне, провожая родителей и старших братьев Энтони, которые все вместе отправлялись в Нью-Йорк.

– Жалеешь, что мы не поехали с ними? – спросил Энтони, пытаясь перекрыть восторженные крики толпы.

Родственники предлагали им присоединиться к путешествию. Увы, билеты были слишком дорогими для скромного бюджета Энтони, а ехать за счет родителей он категорически отказался. Элеонор понимала, что муж огорчен из-за того, что не может обеспечить ей подобную роскошь, но сама она ничуть не расстроилась. Она пожала плечами:

– В море меня укачивает.

– Нью-Йорк – потрясающий город.

Элеонор стиснула его ладонь:

– Мне все равно, где находиться, лишь бы ты был рядом.

Улыбка Энтони светилась такой любовью, что у Элеонор перехватило дыхание. Они вновь принялись махать родным, и Элеонор задалась вопросом, может ли человек быть слишком счастливым. Чайки ныряли в волны, а мальчишки в матерчатых шапочках бежали, перепрыгивая через препятствия, вслед за уходящим судном.

– Непотопляемый, – качая головой, произнес Энтони, когда огромный пароход отошел от причала. – Подумать только!

На вторую годовщину свадьбы Энтони предложил поехать на выходные в знакомое ему местечко у моря. После нескольких месяцев скорби о погибших в ледяных водах Атлантического океана родственниках у них наконец-то появился повод для радости.

– Ребенок, – ошеломленно пробормотал Энтони, когда Элеонор сообщила ему новость. – Надо же, крошечная копия тебя и меня!

Они приехали ранним поездом из Кембриджа в Лондон и сделали пересадку на вокзале Паддингтон. Ехать пришлось долго; Элеонор взяла с собой корзинку с едой, чтобы перекусить в дороге. Они то читали, то болтали, иногда азартно резались в карты, а потом, довольные, сидели, прижавшись друг к другу, держались за руки и смотрели в окно на проносящиеся мимо поля.

Наконец они добрались до нужной станции, где их ждал водитель, и Энтони усадил Элеонор в машину. Дорога была узкая и извилистая, и после целого дня пути Элеонор разморило в душном салоне автомобиля. Зевнув, она положила голову на спинку сиденья.

– Что с тобой? Ты хорошо себя чувствуешь? – ласково спросил Энтони.

Элеонор ответила, что да, и она не лукавила. Поначалу, когда муж впервые заговорил о поездке, Элеонор задавалась вопросом, каково ей придется неподалеку от места, где прошло ее детство, и сможет ли она заново пережить потерю отца и родного дома. Теперь же она поняла,

что, конечно, расчувствуется, но если от прошлых горестей никуда не денешься, то будущее принадлежит ей и думать надо о нем.

– Я рада, что мы сюда приехали, – сказала она, положив руку на слегка округлившийся живот и глядя на дорогу, которая сужалась по мере приближения к океану. – Я так давно не видела моря!

Энтони с улыбкой потянулся к ней. Она смотрела на его большую ладонь поверх своей маленькой и не верила собственному счастью.

Элеонор погрузилась в воспоминания и незаметно уснула. С тех пор как она забеременела, с ней это часто случалось, а сегодня она ужасно устала. Мотор равномерно урчал, теплая ладонь Энтони покоилась на ее руке, в воздухе ощутимо пахло солью. Элеонор не знала, сколько прошло времени, прежде чем муж легонько толкнул ее локтем и сказал:

– Проснись, Спящая красавица!

Она села и потянулась, мигая под ультрафиолетовым светом жаркого дня до тех пор, пока мир перед глазами не приобрел привычную форму.

У Элеонор перехватило дыхание.

Они приехали в Лоэннет, под ее родной, любимый, потерянный кров. Сады буйно разрослись, сам дом обветшал еще сильнее, чем она представляла, но для нее это было лучшее место на земле.

– Добро пожаловать домой, – сказал Энтони, целуя ее руку. – С днем рождения, с годовщиной свадьбы, с началом новой жизни!

Сперва донесся звук, зрительный образ возник позже. Какое-то насекомое билось об оконное стекло, за короткими, яростными вспышками статичной тревоги следовали недолгие мгновения тишины, а за всем этим слышалось тихое непрерывное царапанье, которое Элеонор узнала, но она не смогла бы сказать, что это. Открыв глаза, она обнаружила, что вокруг темно и только сквозь щель между задернутыми шторами пробивается полоска ослепительного света. Пахло знакомо: комнатой, закрытой от летнего зноя, плотными штофными порттьерами и тенистой прохладой панелей, застоявшимся солнечным светом. Это спальня, поняла Элеонор, их с Энтони спальня. Лоэннет.

Она снова закрыла глаза. Голова кружилась. В комнате было очень жарко, и Элеонор слегка мутило. Такая жара стояла тем летом, когда они с Энтони приехали сюда вместе в 1913 году. Они вдвоем, почти дети, прекрасно провели время без суетливого внешнего мира. Дом нуждался в ремонте, и они поселились в лодочном сарае, излюбленном месте детских игр Элеонор. Обстановка не отличалась роскошью – кровать, стол, самая простая кухонная утварь и крошечная уборная, – но они были молоды, влюблены и привыкли обходиться малым. Позже, все долгие годы, пока Энтони воевал, Элеонор, чувствуя, что ей грустно, одиноко или не хватает сил, шла в лодочный сарай, прихватив письма от мужа. Там, как больше нигде, она могла снова прикоснуться к счастью и искренности, которые окружали ее тем летом, пока в их с Энтони рай не ворвалась война.

Они завтракали, обедали и ужинали на свежем воздухе, ели сваренные вкрутую яйца и сыр из корзинки для пикника, пили вино под сиренью в саду. Бродили по лесу и воровали яблоки на соседней ферме, катались по озеру в маленькой лодке Элеонор, и один спокойный час плавно сменялся другим. Ясной тихой ночью они доставали из сарая старенькие велосипеды и катили вдвоем по пыльной тропе, обгоняя друг друга, смеясь и вдыхая соленый теплый воздух, а камни, еще теплые после жаркого дня, казались ослепительно-белыми в ярком лунном свете.

Идеальное было лето. Элеонор поняла это только со временем. Длинная череда погожих дней, ее с Энтони юность, новое и всеобъемлющее чувство влюбленности... Увы, в мире действовали более значительные силы. Это лето стало для Энтони и Элеонор началом – нача-

лом их семьи, совместной жизни, – но оно же завершило что-то другое. Они вместе со всем человечеством стояли на краю пропасти; их эпоха, которая несколько поколений не менялась, должна была вот-вот рухнуть. Кое-кто это предвидел, но только не Элеонор. Она даже не пыталась представить будущее: счастливое настоящее окутывало ее как коконом, кружило голову, и ничего не имело значения, кроме сегодняшнего дня.

Насекомое все билось о витражное стекло, и Элеонор накрыла новая волна горя. Настоящее просачивалось сквозь воспоминания. Тео. Вопросы репортера, фотограф, Элис в дверях библиотеки. Элеонор узнала выражение лица дочери. У нее было точно такое выражение, когда Элеонор увидела, как она вырезает свое имя на наличниках, или когда кухарка отправила маленькую Элис наверх за то, что она таскала из кладовки сахарных мышек, или когда она испортила новое платье большими чернильными пятнами.

Да, Элис выглядела виноватой, но было в ее лице что-то еще. Казалось, она хочет что-то сказать. Но что? И кому? А если ей что-то известно? Элис, как и всех остальных в доме, допрашивали полицейские. Неужели она знает, где может быть Тео, и никому об этом не сказала?

– Как она могла? – раздался в темноте слабый голос. – Она же сама еще ребенок!

Элеонор не собиралась произносить эти слова вслух, и ей стало не по себе. Во рту пересохло, наверное, из-за лекарства, которое дал доктор Гиббонс. Она потянулась за стаканом воды на прикроватной тумбочке и наконец разглядела в темной комнате еще одного человека: в коричневом бархатном кресле у бюро сидела ее мать.

– Есть новости? – торопливо спросила Элеонор.

– Пока нет. – Мать писала письма, перо царапало по веленовой бумаге. – Добрый полицейский, который постарше и кривой на один глаз, сказал, что у них появилась новая информация, возможно, она окажется полезной.

– Какая еще информация?

Скрип-скрип.

– Ну, Элеонор, ты же знаешь, я не запоминаю подробности!

Элеонор сделала глоток воды. Руки дрожали, в горле саднило. Должно быть, это Элис рассказала. Элеонор представила, как дочь направляется к полицейскому, и ее энергичное лицо выражает уверенность, когда она вытаскивает записную книжку и зачитывает вслух свои четкие и емкие записи. Наблюдения и теории, которые, как она считает, «имеют непосредственное отношение к делу».

Вполне вероятно, что Элис действительно заметила какую-нибудь деталь, которая приведет полицию к Тео. Девочка приобрела необъяснимую привычку оказываться там, где ей быть не положено.

– Я должна поговорить с Элис.

– Тебе нужно отдохнуть. Мне сказали, доктор Гиббонс дал тебе очень сильное снотворное.

– Мама, пожалуйста.

Вздых.

– Понятия не имею, где она. Ты же знаешь эту девчонку. Сама в ее возрасте была точно такая же, обе до невозможности упрямые.

Элеонор не стала отрицать. Если честно, то характеристика была довольно точной, хотя она сама подобрала бы другое слово. Элеонор предпочитала думать, что в юности она была «упорной», даже «преданной своим взглядам».

– Тогда позови мистера Ллевелина. Мама, я тебя очень прошу. Он знает, где найти Элис.

– Его я тоже не видела. Вообще-то, его ищет полиция, поговаривают, что он уехал. В последнее время он сильно нервничал.

Элеонор попыталась сесть. Сегодня она не готова мириться с маминой застарелой неприязнью к мистеру Ллевелину. Она сама найдет Элис. Но как же болит голова!.. У изножья кровати заскулила Эдвина.

Элеонор подумала, что минутка-другая, и она придет в себя. Мысли не будут разбегаться, а голова перестанет кружиться. Констанс просто наговаривает на мистера Ллевелина, сеет вражду. Мистер Ллевелин не бросит ее в такое тяжелое время. Ну да, последние несколько недель он действительно выглядел встревоженным, но он ведь ее близкий друг. Наверняка он сейчас где-нибудь в саду, присматривает за девочками, и только поэтому его нет рядом. А когда Элеонор найдет его, она найдет и Элис.

Мысли Элеонор туманились, ей отчаянно хотелось спрятаться под одеялом и забыть про сегодняшний кошмар, но она во что бы то ни стало хотела поговорить с Элис. Элеонор не сомневалась: дочь что-то знает об исчезновении Тео.

Глава 9

Корнуолл, 2003 г.

Сэди наткнулась на Лоэннет почти неделю назад и с тех пор каждый день туда возвращалась. Какой бы маршрут она ни выбрала для утренней пробежки, он всегда заканчивался в заросшем саду. Больше всего Сэди любила сидеть на широком каменном бордюре фонтана, обращенного к озеру, и сегодня, усевшись на свое любимое место, она вдруг заметила на затененном цоколе грубо вырезанную надпись. Э-Л-И-С. Сэди провела пальцем по прохладным углубленным очертаниям букв.

– Привет, Элис! – произнесла она. – Похоже, мы снова встретились.

Сэди находила эти вырезанные надписи повсюду. На стволах деревьев, на подоконниках, на скользком, позеленевшем от мха настиле у лодочного сарая... Складывалось впечатление, что они с Элис Эдевейн играют в кошки-мышки, хитроумную игру, затянувшуюся на десятки лет. Это ощущение усиливалось благодаря тому, что Сэди всю неделю урывками читала книгу «Блюдо, которое подают холодным», попутно изображая отпускницу (ради Берти) и пытаясь разобраться с Дональдом (с понедельника она оставила ему шесть сообщений и много раз безрезультатно звонила). Чтение оказалось на редкость приятным занятием. Ей понравился брюзгливый сыщик Диггори Brent, и особое удовольствие она находила в том, что замечала ключи к разгадке раньше его. Сэди с трудом представляла строгую женщину, чей портрет глядел на нее с обложки детектива, малолетней хулиганкой, уродующей собственное жилище, но почему-то испытывала к Элис необъяснимо теплые чувства. Интерес подогревал и тот факт, что писательница, известная запутанными детективными сюжетами, имела отношение, пусть и косвенное, к реальному уголовному расследованию, да еще к такому, которое завершилось ничем. Сэди задавалась вопросом, что было раньше: выбор жанра или исчезновение маленького брата.

Всю неделю, пока Дональд молчал, Сэди боролась с чувством бессилия, а потом вдруг поймала себя на том, что постоянно думает о заброшенном доме и потерявшемся ребенке и эта тайна не дает ей покоя. Конечно, она предпочла бы вернуться в Лондон, к настоящей работе, но любое занятие все же лучше, чем смотреть, как часы отсчитывают время. Ее интерес не остался незамеченным. «Ну что, разгадала тайну?» – спрашивал Берти всякий раз, когда Сэди с собаками шумно вваливались в дверь коттеджа. Дед спрашивал с улыбкой, как будто сдержанно радовался, что она нашла чем заняться. Похоже, он не очень-то поверил, что Сэди приехала сюда в отпуск. Иногда она ловила на себе его взгляд и понимала, что за плотно сжатыми губами, как за дамбой, теснятся вопросы о ее неожиданном приезде в Корнуолл и весьма странном пренебрежении работой. Сэди сочла за лучшее сбегать из дому в компании собак и с рюкзаком за плечами всякий раз, когда чувствовала, что дамба вот-вот прорвется.

Собаки, в свою очередь, радовались новому распорядку. Они трусили перед Сэди, напегонки сновали по лесу, то и дело сбегая с тропы, гонялись друг за другом в зарослях высокой травы и, поднырнув под тисовую изгородь, возобновляли вчерашнюю ссору с утками у озера. Сэди не поспевала за собаками: приходилось тащить рюкзак с тяжелыми книгами, которыми ее снабжал новый друг Аластер Хокер, деревенский библиотечкарь.

Со дня их первой встречи он всеми силами старался помочь Сэди, насколько позволял скромный библиотечный фонд. Во время Второй мировой войны бомба уничтожила все газетные подшивки вплоть до января 1941-го.

– Очень жаль, – сказал Аластер. – Этой информации нет в Сети, но я могу заказать копии из Британской библиотеки. Может, пока найти вам что-нибудь еще, для начала?

Сэди сказала, что это ее вполне устроит, и он принялся за дело, энергично стуча по клавиатуре компьютера и просматривая старые каталожные карточки в ящиках деревянного шкафа,

потом извинился и торопливо исчез за дверью с табличкой «Архив». Аластер вернулся, смахивая пыль с маленькой стопки книг.

– «Знатные семейства Корнуолла», – прочитал он, потом открыл оглавление, провел длинным пальцем по странице и остановился где-то на середине. – Глава восьмая: «Род Дешиль из Гавелина».

Сэди с сомнением посмотрела на библиотекаря:

– Меня интересует поместье Лоэннет.

– Да, Дом у озера, но когда-то Лоэннет был частью другого, большего поместья. Я думаю, изначально Лоэннет служил домом главному садовнику.

– А семья Дешиль?

– Они были местными аристократами, в свое время очень влиятельными. Обычная история: могущество семьи иссякло вместе с деньгами на банковском счете. Ошибочные деловые решения, парочка разгильдяев, обязательная череда скандалов... – Он помахал книжкой. – Все найдете здесь.

Сэди покинула библиотеку с новехоньким читательским билетом, первым в своей жизни, ксерокопией восьмой главы «Род Дешиль из Гавелина» и книгой Арнольда Пикеринга «Малыш Эдевейн», эмоциональным письменным отчетом об исчезновении. Сэди выпала сомнительная честь быть первой с 1972 года читательницей сего опуса. Еще она взяла изрядно потрепанный экземпляр «Блюда, которое подают холодным».

В тот же день после обеда, когда Берти пек грушевый кекс, Сэди устроилась во дворе коттеджа и, слушая, как вздыхает и бьется о берег море, прочитала о семье Дешиль. Как и говорил библиотекарь, это была сага величия и упадка. Сэди быстренько просмотрела первые несколько сотен лет: возведение в рыцарское звание Елизаветой I некоего Дешиля-мореплавателя, который ухитрился выкрасть у испанцев огромное количество золота, награждение землями и титулами, многочисленные браки, смерти и наследования. Внимание привлек период около 1850 года, когда благосостояние семьи резко ухудшилось. Предполагалось, что потеря денег как-то связана с плантацией сахарного тростника в Вест-Индии, потом упоминался пожар на Рождество в 1878 году, который начался на половине слуг и уничтожил почти весь господский дом. Следующие тридцать лет поместье продавалось по частям, пока у семейства Дешиль не осталось ничего, кроме Дома у озера и примыкающих к нему земель.

Как выяснилось, Эдевейны были не более чем сноской в истории дома. За три абзаца до конца главы автор упомянул, что Элеонор Дешиль, последняя в роду, вышла замуж за Энтони Эдевейна в 1911 году, после чего Лоэннет восстановили, и усадьба стала загородной резиденцией семьи. В книге ничего не говорилось об исчезновении Теодора Эдевейна, и это удивило Сэди, пока она не выяснила, что справочник «Знатные семейства Корнуолла» напечатали в 1925 году, почти за десять лет до того, как малыш потерялся, более того, лет за восемь до его рождения.

За неимением интриги с исчезновением автор сосредоточился на том, как Элеонор Дешиль вдохновила Дафида Ллевелина написать «Волшебную дверь Элеонор», детскую книжку, которая пользовалась огромной популярностью в первом десятилетии двадцатого века. «Если бы не удивительное взаимопонимание между Ллевелином и смысленной дочерью его друга, он, возможно, остался бы врачом, так и не открыв в себе талант рассказчика и лишив многие поколения ребят превосходной сказки». Ллевелин продолжал сочинять и иллюстрировать книги, и в 1934 году в день рождения монарха его посмертно наградили орденом Британской империи «За вклад в литературу». По словам Аластера Хокера, книга еще имела хождение, но, в отличие от некоторых других произведений той эпохи, не выдержала проверку временем. Сэди ему поверила. В детстве эта книга – подарок бабушки – прошла мимо нее.

Родителям предсказуемо не понравились элементы волшебства, они назвали книгу чушью и брезгливо передали в какой-то дом престарелых, где умерла Энид Блайтон¹¹.

Сейчас Сэди держала на коленях книгу, изданную в 1936 году. Мягкая, словно припорошенная пудрой бумага, глянцевые страницы с картинками, которые уже начали покрываться пятнами по краям. Эстампы, так назвал Аластер эти иллюстрации, когда в понедельник выдавал Сэди книгу. В ней говорилось о маленькой девочке, что жила в большом одиноком доме с добрым, но бесхарактерным отцом и холодной, тщеславной мачехой. Однажды, когда родители уехали в Лондон, девочка исследовала продуваемый насквозь дом и вдруг набрела на незнакомую дверь. За дверью обнаружился морщинистый седоголовый старик, похожий на самого дедушку Время, а стены его комнатки от пола до потолка покрывали вычерченные от руки карты и тщательно нарисованные пейзажи. «Что вы здесь делаете?» – как и полагается, спросила девочка, а он ответил: «Жду тебя», затем принялся рассказывать о далекой волшебной стране, где произошло ужасное событие, и с тех пор там не прекращаются войны и раздоры. «Только ты можешь все исправить», – добавил старик.

---

¹¹ *Энид Мэри Блайтон* (1897–1968) – известная английская писательница, работавшая в жанре детской и юношеской литературы. Стала одной из наиболее успешных подростковых писательниц двадцатого века.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.